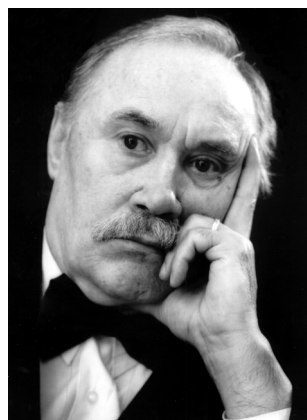

Юрий УСАЧЁВ

ТУПИК

Небольшая повесть для большого сценария

Уходят электрички, уходят поезда. Говорят, что некоторые блуждают вне времени и других измерений. Возможно, это только разговоры, так как всё необычное по восприятию рождает множество загадочных историй, фантазий. А вероятнее всего, – это только желаемые загадки, поскольку их никто не встречал да и видеть это невозможно. Это, скорее, выдумки, выдумки впечатлительных людей, готовых видеть в реальном что-то сверхъестественное. Может их необыкновенное подсознание, подсознание, открывшееся клеточками, не контролируемые основами реального сознания, уводит людей в другие миры и иногда перечёркивает всё, чем жил человек. Иначе как понять – человек уезжающий иногда оказывается за тысячи километров от места выезда и назначения.

Он стоял в тамбуре, смотрел в окно. В вагоне душно, вышел подышать. Ему много за 50 или 60. За окном вагона осень, точнее, начало осени, поскольку в этих краях она порой приходит со второй половины июля. Климат Сибири бывает непредсказуем. Жизнь поездов всегда однообразна: игра в карты, чтение, в основном дешевой макулатуры, детективов, да мало ли... Люди, много людей... В тамбуре спокойней. Он любитесь природой, видит мелькающие деревья, просторы с подсолнухами и пшеницей, будки железнодорожных переездных обходчиков, самих обходчиков с желтыми скрученными флажками, предупреждающими: «сбавьте скорость до следующего светофора». На переездах много машин, если в горо-

дах, на опасных участках дороги или на дорогах пришкольных участков, придумали «лежащих полицейских», то здесь на переездах перед шлагбаумами в дополнение, лежат опасные для жизни водителей, полицейские с острыми краями к движению, через которые невозможно перескочить на какой бы то ни было скорости. Колеса обязательно останутся на ребрах железного блюстителя порядка. Он смотрит в окно, и лицо его живет происходящим за ним. И не только. Со стуком колес он слышит музыку. Это какая-то необычная игра его воображения, под стук колес возникает оркестр, затем песня, для него поют избранные знаменитости его фантазий: Шульженко, Бернес, Трошин, как у акына. Только акын сам поет о том, что видит, а тут по заявкам собственного подсознания. И что самое интересное, слышит все в исключительно хорошем исполнении.

Мимо него через тамбур проходят люди из одного вагона в другой. Он в отличном настроении, за окном чудная погода, в голове звучит концерт по заявкам. Дверь тамбура распахнулась, и компания молодых людей с шумом и хохотом устремилась в тамбур следующего вагона. Один из них остановился.

- Отец, у тебя не будет закурить?
- Извините, я не курю.

И юноша уходит. Но тут же возвращается.

- А почему вы не курите, а я курю?
- Ну, откуда мне знать.

– А вообще-то надо бы знать, знать, с кем ты говоришь и что тебя ждет.

Самое любопытное в этом разговоре, парень был совершенно спокоен, любезен и сдержан, хотя и перешел на «ты».

– Видите ли, молодой человек...

Он не успел договорить. Тот выхватил из кармана что-то тяжелое, какой-то железный предмет, может кастет, и ударил ничего не ожидавшего попутчика по голове. Наш герой обмяк и опустился на одно колено. Он не почувствовал боли, а вместо музыки был только пронзительный звон, удивительно высокая нота, и он упал на грязный пол тамбура.

– Сука, какая же ты тварь. Ведь я попросил закурить.

И парень стал избивать пожилого человека ногами, кулаками, приговаривая: «Вот тварь! Тебе сигарет жалко. Получай, гад, получай...»

Было в этом что-то звериное, неприличное человеку. Вернулись его «сотоварищи», схватили обезумевшего от ярости подонка, который вырывался в состоянии полного сумасшествия, пытаясь нанести удары, пиная и оскорбляя жертву, лежавшую без движения в тамбуре. Дверь вагона опять распахнулась, и появились люди, спешащие в другой вагон, кто искать свободное место, кто своих знакомых или вагон-ресторан. А эти... вдруг разыграли сцену. Один из компании наклонился над избитым и громко заговорил: «Ну, Николай! Вставай, вставай! Не задерживай движение. Я же говорил: не наливайте ему. Ну, знаешь, тебе только г... жрать, а не водку пить». Когда последний переходящий захлопнул за собой дверь, один из компании, по всей вероятности главарь ее, сказал избивавшему: «Ну и сука же ты. От тебя одни неприятности. Тебе не ширяться надо, а тебя ширять... Петушок. Ладно. Проверьте карманы, заберите, что есть, и без шума за борт. – Он наклонился над избитым: – Он не дышит, ты же его убил. Скорее и без шума. Забрать всё, документы сжечь, пока узнают, кто он и откуда, пройдет время. Обо всем забудут. Ну, чего пялитесь. Быстрее». Открыли дверь и выбросили человека. «А ты, – обратился он к избивавшему, – молись, а то даже папаша твой не поможет».

Он упал по ходу поезда, перевернулся несколько раз по насыпи и ударился обо что-то головой. Казалось бы всё... Сколько он лежал неизвестно, да это не так уж и важно, важно, что он жив, жив вопреки всему, вопреки подонку, обьявившему его мертвым и велевшему выбросить из вагона. Реальность появилась через красную пелену засохшей крови. Болела голова от удара о сломанную березу, и очень хотелось пить. Вероятно, от большой потери крови. Сразу встать не получилось, сил не было даже на то, чтобы пошеве-

литься. Попытался осознать, но оказалось, что ничего не помнит, почему лежит здесь, кто он и как попал сюда. Полная амнезия. Вставал медленно. Сначала с трудом сел. В руках и ногах боли не было. Болел бок и лобная часть головы. Выходит, лежал он здесь не менее часа, потому что, ощупав голову, ощутил корку засохшей крови. Пошарил по карманам, ничего не обнаружил, кроме носового платка, слюной чуть обтер лоб и, с трудом поднявшись, пошел почему-то по железнодорожному полотну, идущему в сторону от дороги, по которой ушел поезд. Иногда трудно понять людей лишенных логического мышления. И если на данный момент он лишен логики, то, возможно, благодаря этому алогизму жизнь повела его на выживание. Ведь по логике он уже должен умереть. Шел медленно, с трудом передвигая ноги, и подошел к заброшенной будке путевого обходчика, которая стоит как раз на тупике стационарного из шпал шлагбаума. Куда-то вели ветку, но по какой-то причине прекратили на этом километре. Потянул на себя дверь, и она открылась. Пахло застоявшейся сыростью, плесенью. Увидев кровать, он подошел и, рухнув на живот, ушел в глубокий сон. Усталость, боль в боку и головная боль взяли верх.

Сон

Утренняя деревня. Рано. Хозяйки выводят коров.

– Костя-я-я, – кричат Галька Заплатина и Витька, ее брат.

Костя подбегая:

– Да здесь я, чё орать!

– А никто не орет. Мы думали, ты спишь.

– Ха, они думали. Я раньше вас встал.

– Ну, да!

– Что, ну, да?

– А то, что мы уже два часа как встали.

– А я со вчерашнего дня не спал!

– Во, врёт!

– Кто, я вру? Да если хочешь знать, я из-за деда не мог уснуть. Он храпел всю ночь.

– Ладно врать-то. Пошли.

– Сначала на молоканку зайдём. Обрата попьем.

– А кто там сегодня?

– Егорова тетя Нюра.

Тетя Нюра встретила как всегда приветливо своей обычной поговоркой.

– О, явились, не запылились. Витька, зачерпни ковшом из бачка. Пейте, да уматывайтесь. Мне надо к смене готовиться.

И ребята, выпив по кружке, побежали к Алею через кладбище. Могилы в деревнях всегда ухожены. Лежат все рядком, по семейному. Река почти пересохла. Но на

глубине ставят сети. Обычно на Алее линия ловят и ерша, прямо как на заказ, для уха. Линь – рыба мясистая с красноватым оттенком. Ну, а ерш и есть ерш – для нава-ра. Бегом по крутому склону обрыва, тропинка привычная. Излюбленное место купания – Елбашки. Путь через знакомый брод, и через 30 с лишним минут пробега, дурачься, они на слиянии родниковых ручьев, образовавших небольшое холодное озерко, только с одной стороны с песчаным пляжным берегом. А кругом заросли ивы, облепили.

Весь день в воде, соорудили трамплин, играли в нырялки кто дальше. Костя нырял красиво и дальше всех, под водой мог продержаться около трех минут. Играли в догонялки, водила в основном Галька, поскольку девчонка, и ей не хватало того проворства, какое было у пацанов. Часто, чтобы не обидеть её, они поддавались, делая вид, что не могли убежать. Она радовалась этому, а когда становилось до посинения холодно, зарывались в горячий песок, лежали и выдумывали разные истории, мыслимые и немыслимые. Короче, истории, случаи, происходившие с ними или с их близкими, или вычитанные, услышанные... Когда истории становились уже совсем сверхъестественными, кто-нибудь останавливал рассказчика и говорил:

– Ну, соври еще что-нибудь.

– Да почему соври-то! Ты же не знаешь, как было.

– Да потому и не знаю, что такого и не могло быть. Такое только в сказках бывает.

– Во, дает.

Костя переходил на крик:

– Да ты пойми, он же в снег упал!

– Да с такой высоты любой в лепешку расшибется.

– Погоди, погоди... Значит, я вру?. Хорошо. Попрошу деда найти газету, вот тогда и поглядим. Значит, ты не веришь?

– Не верю.

– Давай посмотрим.

Витька засомневался, спорить или нет, а вдруг правда.

– А в какой газете?

– В какой, в какой... Я уж сейчас и не помню.

– А... не помнишь. Галька, разними. На сколько спорим?

– На двадцать щелбанов. – Витька отдернул руку. – Если я выиграю, то и разнимающий еще пять поставит.

– А если проиграешь?

– Мне поставит. Тут Витька засомневался, как-то уж легко Костя спорит, может, и правда.

– А ну-ка расскажи еще раз. Уж больно на неправду похоже.

– Я же говорю. Летели геологи, высота примерно четыреста метров, а может меньше, ну, это не важно.

– Как это не важно? Очень даже важно! Вот у нас трамплин полтора метра, а если бы был пять? Галька бы сразу не прыгнула.

– Это почему бы я не прыгнула?

– Да потому, что ты бы струсила.

– Значит, ты бы прыгнул, а я бы струсила?

– Ну, хватит. Струсила не струсила, разговор-то о другом.

– Ты споришь или нет?

– Давай еще раз.

– Фу, ты... Ну, летели геологи. Зима.

Летели над полем, наверное в Горный Алтай. После Калистратики один из геологов зачем-то открыл дверь, его и выватило из самолета ветром.

– Выхватило?

– Выхватило!

– Ну ты и врать! Дальше.

– А чё дальше? Полетел. Чует, что капец, пуговицы у фуфайки разорвал, полы растянул, как крылья, скорость и сбавилась. Угодил в снег, даже ничего не поломал. Как ни в чем не бывало встал и пошел руками махать, жив мол. Летчик сделал круг, сел. Его забрали и полетели дальше.

– Всё. Спорим – это из отдела фантастики. Галька, разнимай.

Они скрепили руки, а Галька, еще раз уточнив условия насчет пяти щелбанов, согласилась. Ей-то какая разница кому ставить.

– А почему из отдела фантастики?

– Потому что такого быть не могло. Он бы в лепешку.

– В лепешку, в лепешку... много ты понимаешь.

Вдруг лицо спящего исказилось, он вздрогнул и сжался в комочек. Выдохнул похоже на стон, и во сне замелькали картины произошедшего. Лицо того парня, как в замедленной съемке, улыбающееся. Он что-то говорит, но слов не слышно, какое-то жужжание. Инстинктивно обхватил голову руками, и лишь несколько слов, произносимых шепотом: «Не надо. Умоляю, не надо». Второе лицо главаря: «Он же умер... Ты же его убил...» И вдруг видит открывшуюся дверь электрички, чувствует, как его хватают чьи-то руки, и он летит по насыпи. Удар головой обо что-то и возвращение в действительность. Еще какое-то короткое время все кажется реальностью, но, открыв глаза, понимает, что ничего не помнит. Ничего не помнит. Почему он здесь, как оказался в этом месте. Сильно болела голова, нет, не болела, а просто раскалывалась, как, веро-

ятно, после какого-то сильного удара или при высоком давлении. Есть люди, которые не чувствуют, что это опасно для жизни, может случиться инсульт, а человек не чувствует, а инсульт где-то рядом, и если срочно не обратиться в больницу, конец может быть предсказуемым. Он выбрал удобную позу, успокоился, стало легче, и он опять задремал. Недаром говорят: «Сон лечит». Сколько он спал – неизвестно, но проснувшись, осмотрелся и понял, что ложем ему служит железная кровать, грязный матрац, серая без наволочки подушка, дырявое байковое одеяло. Чуть повернув голову, увидел обшарпанную стенку, чай-то портрет у лица рядом с кроватью, облезлую тумбочку, какие стоят в больницах, только белые. Медленно, как глубоко больной человек, не знающий, что с ним произошло, с трудом поднимается, ощупывает лицо. Замечает в противоположном от себя углу печку-буржуйку, рядом какую-то ветошь, несколько поленьев, чуть правее (ближе к двери) вешалка, на ней старая замызанная куртка и внизу, прямо под вешалкой, бачок, в каких женщины полощут белье, на крышке алюминиевая кружка, а чуть выше слева умывальник из толстого чугуна. Умывальник довольно примитивный, но до сегодняшнего дня надежный. Сейчас такие встречаются все реже на дачах. С трудом поднимается, идет к нему, нажимает ладонью сосок, пусто... Осматривается и понимает, здесь долго не было человека. Возвращается, садится на кровать, шарит по карманам, ничего. Не может вспомнить, как попал сюда. Провал. Не помнит, как шел. Осторожно открыл дверь – сыро, как мы уже говорили, – осень. Выходит на улицу, обзоревает железнодорожные пути, тупик проводимой ранее железнодорожной ветки и понимает: неплохо. Подошел к дождевой луже, смачивает носовой платок, тихонько ощупывает голову, определяя, где наиболее больно, смывает запекшуюся кровь. Осторожно умывается и, выжав смоченный в луже платок, утирает лицо. Вода освежает, становится чуть легче. Возвращается в будку, изучает содержимое тумбочки, ничего, только внизу почти пустая пачка с чаем, если можно так сказать, а точнее, с чайной пылью. Замечает валяющуюся помятую чайную алюминиевую ложку, выравнивает и кладет на тумбочку. Идет в угол, поднимает с пола наиболее чистую тряпицу, по пути прихватывает кружку с ложкой и направляется на улицу к уже известной луже. Осторожно на глубоком месте набирает кружкой воду, предварительно обтерев ее тряпицей, и возвращается в будку. Ставит кружку на печь и понимает: чтобы вскипятить чай, нужны спички – это

как минимум, нужна бумага, нож, чтобы настругать щепы, а главное – спички, чем все это разжечь. Ещё раз огляделся и понял – все жутко, жутко, что ничего не помнит. Понял самое ужасное – позади пропасть, как будто кто-то поставил тупик, за которым ничего нет, нет прошлого, огромная бетонная стена, за которую невозможно заглянуть и увидеть что-либо: себя, свою жизнь, окружение, короче, все те звенья, из которых складывалось бытие прошлого. Подспудно, исподволь он пытался вернуться, ну если не в далекое, то хотя бы на несколько дней назад, и бесполезно.

Спасительные минуты приходят неожиданно. Обратил внимание на висевшую старую куртку, не пригодную для носки. Пошарив по карманам, обнаружил спички, спички, которые уже мало были похожи на спички – палочки без серы, побывавшие неоднократно под дождем, отсыревшие, а если и попадались с головками серы, то были сильно размыты. Приготовив все для печи, он осмотрел каждую спичку и, найдя несколько более или менее сохранившихся от влаги, отложил в сторону. Осмотрел коробок, понял, что наиболее сохранившаяся сторона лежала так, что ее меньше мочило и больше проветривало. Голова постепенно проходила, боль утихала, сохранился только шум в ушах, да боль в боку, вероятней всего, от треснувшего ребра. Насобирав сухих веток, положил в топку на лист бумаги, чиркнул спичкой и... как ни странно, она загорелась с первого раза, поджег этот маленький ворох, а когда всё схватилось огнем, открыл поддувало. Огонь заиграл от появившейся тяги, послышалось щелканье горящих веток, и он, подбросив несколько небольших полешек, понял, что чаем себя обеспечил. Доведя воду до кипения, высыпал чай, точнее, подобие чая, снял с буржуйки и накрыл попавшейся под руку дощечкой. Давненько он не пил такого вкусного чая. Сделав последний глоток, ощутил блаженство, расслабляющее блаженство, способное любого человека привести в состояние чудодействующего сновидения. Опустил голову на подушку, расслабился и заснул.

Сон

Удивительное продолжение. То же место, как вроде и не просыпался. Только время уже вечернее, дни хоть на немного, но стали короче. Засобирались домой. Нанырялись до одури, даже при такой теплой погоде всех трясет как в лихорадке, зуб на зуб не попадает, губы синие, ну это естественно, больше десяти часов в воде. Все, особенно ребята, похожи на рахитиков. За день наглotalись

воды, и животики, как надутые шары. Полкилометра бежали, базлая что взбредет на ум, для того чтобы согреться. Но вдруг Витька обнаружил на дереве гнездо шершней.

– Костя! Смотри, смотри. Во, здоровенные твари. Давай подождём.

Нинка шархнула его по затылку.

– Ты чё, дурак? Они же жалят. Это же шершни.

– Ну и что. Костя, ты как?

Костя посмотрел на этих лохматых чудовищ, вылетающих и влетающих в дупло, и сказал:

– Что как? Зажалят.

Витька аж задохнулся.

– Во, труссы. Зажалят, зажалят. Ну, и идите, а я их поджарю.

– Э-э, – закричал Витька, – спички-то дай.

Костя остановился, достал коробок, крикнул: «На» и бросился догонять Гальку.

Ребята давно уже курили, табак (самосад) обычно доставал Костя. Когда дед – Алексей Филлипович рубил на пне табак, Костя подтаскивал ему листы, а рубленый табак раскладывал сушить на старую простыню и поэтому часть табака, хоть и маленькая, уходила на усушку, то есть Косте в карман. Курить ходили на сушилку, которая чуть позже сгорела.

Отбежав на порядочное расстояние, они остановились, смотрели, как Витька колдовал над своей глупостью.

– Во, дурак, – сказала Галька. – Сейчас они ведь его зажалят.

– Витька! Кончай. Пошли, а то я раскажу отцу, хуже будет.

А Витька колдовал. Собрав сушняк, наломал небольшими палочками, содрал с березы бересту, подкрался. Долго изучал гнездо. Смотрел, как шершни спокойно влетали и вылетали. Маленькие, большие. Ему было страшно, но он сделал это. Осторожно, стараясь не встревожить их раньше времени, положил бересту, на нее ветки и поджёл. Когда береста вспыхнула, как порох, защелкала разгораясь, бросился что было мочи догонять ребят. Догнал, еще немного посмотрели на дым, валивший из гнезда, и спокойно пошли домой. А шершни, почуяв неладное, стали разлетаться, расширяя круг, и ребята вдруг услышали жужжание рядом нескольких лохматых чудовищ. Вот тут-то и оказалось «у страха глаза велики», страх бежал с ними наперегонки. Костя почувствовал боль. Это шершень обогнал их и, сделав большой разворот, пошел на таран, от которого спасения не было. Удар был настолько сильным, что ноги взлетели выше головы, и он упал на спину. Когда отбежали на достаточное расстояние,

остановились и смеялись над горем Кости.

– Витька, ну чего ржешь? Вот дурак. Ему же больно, – сквозь смех говорила Галька.

А тот не мог удержаться, потому что лицо Кости стало как лепешка, абсолютно круглое, с натянутой, как на барабане, кожей, только уши торчали перпендикулярно вискам, а вместо глаз просматривались две почти невидимые щелочки. Он обиделся и пошел к реке, а они смеялись, но... «беда не приходит одна». Пройдя несколько шагов, он взвыл и сел на землю. Галька подбежала к нему.

– Что случилось?

А он, сидя на земле, почему-то дул на свою подошву и рассматривал ее. Позже, когда вытащили жало, стало понятно: наступил на пчелу. И опять смех, а Костя сидел в воде и долго макал лицо, чтобы утолить боль. Вот тогда-то и ему стало смешно, когда увидел в воде свое отражение.

Проснувшись, долго лежал с открытыми глазами, чувствовал, что с ним во сне что-то происходило, пытался припомнить, но... ни-че-го. Белый лист. Только опять разболелась голова. Вставать не хотелось, а надо, надо что-то предпринимать, ведь так же не может быть, чтобы ничего не помнить, так не бывает. Сел, огляделся, засосало под ложечкой, захотелось есть. Вышел. Утро оказалось хмурое и неприветливое. Ветер и низко бегущие тучи не обещали ничего хорошего. Если такая погода продержится дня три, то в будке будет сыро и холодно, а если еще и дождь хлынет, то печь разжечь будет невозможно. Вернулся за кружкой, набрал в умывальник воды. Умылся, если это можно назвать умыванием. Чуть-чуть привел голову в порядок, коснулся ладонью щеки, понял, что стоило бы побриться, и пошел, пошел в обратную сторону от тупика. Дойдя до основной ветки, увидел вдалеке жилой массив и пошел на встречу с цивилизацией. Оказалось – это пригород большого города. У магазина «Продукты» остановился, машинально проверил карманы и, еще раз убедившись, что кроме платка ничего нет, отошел и сел на скамейку. Кругом люди, ребенок гонится за голубями, мама отщипывала от батона крошки и бросала голубям, уговаривая ребенка не пугать птиц, но... все разговоры были малышом игнорированы. Тогда она бросила птицам довольно крупный кусок батона, взяла малыша за руку и увела, говоря, что только плохие мальчишки не дают птичкам кушать. Голуби бросились к батону и стали растаскивать его во все стороны. Он огляделся и, увидев, что вок-

руг никого, поднял хлеб, как бы в помощь птицам отщипнул кусочек, бросил голубям, а оставшееся с жадностью съел. Это не помогло. Есть захотелось еще больше. Прямо жуть какая-то. Съел бы все, что подлежит перевариванию. Обратил внимание на мусорные ящики, стоящие поодаль, где бомжи разбирали все, что можно было есть и носить.

Подошел, остановился шагах в трех от них и смотрел, как те, не обращая ни на кого внимания, делились впечатлениями от найденного. Его поразило, как они ловко распределяли обязанности. Женщины собирали вещи пригодные для носки: куртки, обувь, головные уборы, мужчины – все, что попадалось съедобное: куски хлеба, сок в коробках и бутылках, корочке, все, что предвещало «сытный обед».

Увидев в стороне за ящиками полбутылки кефира и краюху черного хлеба, тихонько, как бы между прочим, подошел, взял и хотел уж было идти, как получил удар в бок, самое больное место, и услышал шипение: «Вали отсюда, пока цел». В руках уже ничего не было, а он, превозмогая боль, сел на поребрик асфальта и, чуть не теряя сознания, прошептал: «Извините».

Дыхание перехватило, в голове гудело, саднило в горле. Он опустил голову на колени и заплакал. Бомжи, видя его состояние, посоветались, и тот, ударивший, принес ему кефир, хлеб, полную банку сока и довольно крупный куриный окорочок.

– У вас спичек не будет?

Бомж, пошарив в кармане, кинул ему коробок.

– Приходи, приходи... Одним больше, одним меньше, какая разница. – И совсем тихо добавил: – Прости.

Бомжи ушли. Он, откусив курятины с хлебом, запил кефиром. Приятно ощущать сытость, когда утолишь голод. Достал платок, отер губы, руки. На глаза попался пакет с негритянским журналистом в темных очках. Сложил аккуратно оставшееся в пакет и подошел к ящикам. Решил посмотреть: не осталось ли чего, хотя... после «профессионалов пищевого сыска» вряд ли можно на что-то надеяться, но вдруг увидел плоскую квадратную коробку, она была совершенно незаметной, плотно прислоненная к стене, довольно внушительная, из-под пиццы. Он выгнул её, открыл и увидел почти нетронутый продукт итальянской кухни. Осторожно, так же боком, поставил коробку в пакет. Хотел уж было идти, но взгляд остановился на связке журналов. Конечно, кому сейчас нужны журналы. Люди даже книги перестали читать, в ходу одни детективы. А он был рад находке. Тот, кто

оставил, вероятно, хотел чтобы журналы попали в руки человека интересующегося историей, хотя и недалекой, но все-таки... Это была большая и тяжелая связка, перетянутая бельевой веревкой. «Огонек» № 1, 1949 г. Отогнув угол последнего журнала, определил дату – июль 1954 года. Подумал, может с помощью журналов вспомнит что-нибудь из своей жизни тех лет. Только сейчас, возвращаясь в свою будку, почувствовал, что путь неблизкий. Устал. Погода разгулялась. При приближении к жилищу насобирал сухих веток, перед дверью бросил, зашел внутрь, составил продукты в тумбочку, положил на табурет перед изголовьем журналы. Прилег. Развязал, вынул из связки один за 1949 год, перелистнул первую страницу, увидел человека в военном кителе, но в глазах все поплыло, усталость взяла верх, и он заснул.

Сон

Деревня. Идет бой. Во всех русских деревнях есть одна главная улица, разделяющая её. Одну половину деревни занимают советские войска, другую немцы. Стрельба активная, но никто не пытается идти в наступление. Стрельба ведется из легкого оружия: карабины, автоматы. Тяжелая артиллерия не задействована, сопротивление обоюдное.

И вдруг стрельба прекращается, и наступает тишина. Это особенно необъяснимо, как по часам, ни одного выстрела. Приехавший с передовой подполковник Семенов спрашивает: «В чем дело? Почему перестали стрелять?»

– Передышка, – отвечает капитан Перетягин. – Обеденный перерыв.

– То есть?

– А мы уже неделю вот так воюем. Стреляем целый день, а на время обеда у нас обоюдное затишье.

– Та-а-а... Значит, у вас война с перерывами на обед.

– Так точно, товарищ подполковник.

– Ну, что ж, молодцы. С перерывами на обед, говоришь. Это хорошо. Слушай, Перетягин. Прошу тебя, если уж у вас с немцами, можно сказать, такие «дружеские отношения», подружите с ними еще недельку или хотя бы пятидневку. Понимаешь, надо их сдерживать. Мы ждем подкрепление со дня на день. Их надо остановить. А без подкрепления, сам понимаешь, трудновато. Трудности-то на всех фронтах. На войне, Перетягин, легко не бывает. Что скажешь?

– Да что сказать? Держимся. Ребята устали, но сейчас, когда нам доставили продукты, думаю, легче будет. Надоел подножный корм, едим что ни попадя, да и фрицев теперь обманывать будет про-

ще. А то мы на одной картошке, воду пьем вместо чая и делаем вид, что вкусно. Нет, картошка действительно вкусная, но надоедает. А у них, у сволочей, кухня на высшем уровне, запахи досюда доходят, аж дух захватывает.

– Ну, ничего, ничего... Теперь и вы их побалуете запахами, днем тушеночными, а ночью после гороха. Тем более что продуктов завезли много, надолго хватит. Договорились?

– Договорились, товарищ подполковник. Только вы там тоже поспешайте.

– Через несколько дней укрепим основательно оборонительные позиции, вот тогда и посмотрим.

– Да, я-то понял. Они ведь тоже подкрепления ждут – это же ясно. Почему и делают перерывы на обед. Тоже же ведь боятся потерять людей.

– Людей! Как-то ты, Перетягин, странно их величаешь. Людей.

– Ну, живую силу.

– Вот-вот. Живую. Пока.

– А в общем-то, как ни величай, а среди них тоже ведь люди есть. Ну, пойдёмте, послушаем концерт.

– Какой концерт?

– Пойдёмте, пойдёмте...

Перетягин берет табурет, и оба выходят на улицу. Перетягин идет на открытое место.

– Капитан, ты что, с ума спятил, ты куда? Вернись!

– Не бойтесь, товарищ подполковник. Слышите?

Подполковник выглянул из-за укрытия, но на открытое место не пошел. Донеслись звуки самой популярной в то время мелодии у немцев, как-то странно её в то время называли «Роземунде». Кто-то лихо выводил на губной гармошке этот неофициальный гимн фашистов, говорят, что Гитлер любил эту музыку.

А наши солдаты первый раз за много дней ели настоящую еду. Когда фриц закончил свое музыкальное произведение, кто-то из наших солдат крикнул:

– Саблин Алексей! Порадуй нас своим голосом. Неополитанскую.

– О, у вас и итальянцы есть.

– Есть. Саблин, давай...

И зазвучала песня из репертуара Михаила Александровича «Скажите, девушки...»

Солдаты обедали, а песня звучала, да так чисто и проникновенно, что казалось, нет войны, воздух наполнился волшебными звуками. Песня то затихала, то нежно, нежно усиливалась, вдруг поднималась над домами деревни и уходила далеко-далеко, как бы парила в воздухе и растворялась высоко над полем. Наступила ти-

шина. От немцев послышались хлопки и возгласы:

– Gut, gut...

– Ты чуешь, Перетягин, аплодисменты, – выхода заговорил подполковник.

– Уходите, уходите... Сейчас другие аплодисменты начнутся.

– Слушай, он где-то учился? Это же прям, ну, кто у них был самый, самый... А... Карузо. Да... А этот-то у нас, пожалуй, не уступит. Ему надо в оперу.

Началась стрельба, но все уже были в укрытиях. Подполковник с сопровождающими уехали, а война... продолжалась. Два дня держались, а на третий вынуждены отступить. Немцы подожгли русские полдеревни зажигательными. Почти все полегли.

Перетягин нес на себе раненого Алексея. Такое ощущение, что ему снесло полголовы. Мелкими перебежками солдаты пытались выбрать из-под обстрела. В лесу их ждала машина, на ней и дотянули до госпиталя. Капитан Перетягин оставил Алексея, уже почти бездыханного, в лазарете и с ребятами поспешил на передовую искать подполковника Семенова.

На песню «Скажите, девушки...» он просыпается. Долго не шевелился, чтобы не спугнуть мелодию, но она медленно ушла, как будто кто-то вырубил звук. И опять ничего, ни одной картинки из прошлого. Ведь что-то же было, ну, напрягись, вспомни, ведь был же музыкальный шлейф, ведь что-то я слышал. Но память молчала. Из журналов узнавал о стройках сорокалетней давности, о достижениях челябинских металлургов, о целинных освоениях неплодородных земель, о киноартистах, посещающих дома престарелых, о театральных спектаклях не только Москвы. Читая много о городах, чтобы хоть как-то зацепиться за что-нибудь, что помогло бы хоть намеком, каким-то шестым чувством, определить, кто он и откуда. Прямо как в песне – «Все, что было не со мной, помню». Ведь по логике всё должно быть наоборот, себя-то я должен помнить, свои корни, своих родных и близких людей. Кто они? Или ко мне память возвращается только после очередной информации? О чем прочитал, то и вспомнил, а вернее, запомнил. Надо читать, читать много, может, и попаду на что-то близкое и знакомое, а там глядишь... Ведь есть же советы, как развивать память. Совсем запутался. Одно только для меня ясно – о чем не читал, не помню. Значит, надо читать, если даже прочитанное через несколько часов забудется. Кем был? Что умею делать? Может быть, если вспомнить это, вернется и остальное. Но как вспомнить? Умозрительно он

мог быть кем угодно, такое ощущение, что он умеет все, но чем же он все-таки занимался? Кто по профессии, и сколько же ему лет? Глядя в зеркало, в осколок, он предполагал, что пенсия ему на счет должна идти как минимум лет десять, а может и больше, так как вид у него далеко не респектабельный, небритость придавала ему образ далеко не законопослушного человека, а больше уголовника. Он уже приблизился к тому типу людей, которых встретил у мусорных ящиков, разве только одежда была попрличней и чище. Если судить по одежде, то он вполне где-то мог быть интеллигентом: рубашка белая не первой свежести, заношенный, но довольно приличный пиджак, брюки, когда-то тщательно отутюженные, нынче с бутылочками на коленях – это говорит о том, что человек часто сидел на корточках, туфли английского покроя, с обрезанным носком и чуть выступающим рантом, потертые и давно не чищенные. Вот так представив себя со стороны, приходит решение, что надо что-то делать, а пока... Все думы о хлебе насущном. Надо идти к ящикам. С бомжами, которые позволили ему пользоваться содержимым мусорки, встречался два раза. А ведь пошла уже вторая неделя. Что-то, что-то надо делать? Ну, да ладно. Пока путь один – к ящикам. Отведав заплесневелой вареной колбасы, заев черствым хлебом и запив все остатками кефира, он вышел и пошел безо всякого желанья и охоты к тем самым ящикам, потому что хотелось есть. Болела голова, в теле ломота, чуть-чуть знобило. Два раза садился на рельсы, отдыхал.

Подошел к ящикам, из своих «собратьев» никого не встретил, но сразу же определил большой пакет с продуктами. Уже научился определять на взгляд, в каких именно пакетах или мешках лежат остатки завтраков, обедов или застольных пиршеств с деликатесными редкостями. Они как-то по-другому выглядели. Раскрыв пакет, увидел много всякой всячины, действительно соблазнительно вкусно и съедобно, расфасованного по небольшим пакетикам. Пустые банки, бутылки, выбросил, оставил треть бутылки вина сухого, чуть надрезанную булку украинского хлеба, ну, и что было в пакетах: мясо, салаты, корейская морковь, даже не полная баночка икры минтая. Но самое удивительное – маленькая бутылка коньяка «Для женщин», в которой еще было грамм за сто. Теперь, если даже кто-то придет из его знакомых, то уже не отберут, он сам поделится с ними, поскольку к спиртному, ну, не скажем, что равнодушен, но относительно сдержан. Открыв второй пакет, почувствовал аромат духов,

вынул и повесил на край ящика юбку-плиссе, по всей вероятности вышедшую из моды, много нижнего женского белья – чистого, почти нового и импортного мужской пиджак. Для него было совсем не понятно, как можно выбрасывать такие вещи. Ощущение, что с пиджака только-только оторвали бирку с ценником. Все женское он сложил аккуратно на край ящика, накрыл плиссированной юбкой и пошел к себе. Дорогой долго размышлял о найденном, о людях, которые небезучастны к несчастью других и понимают трудность времени. Придя, достал пиджак, долго рассматривал этикетку, прочитал на иностранном языке «Франсе», примерил и осторожно повесил на место грязной куртки. Для себя решил, что будет его надевать только по выходным, и рассмеялся. Для него теперь каждый день выходной, к ящикам и обратно. С таким продовольственными трофеями пир был на славу. Хоть коньяк и назывался «Для женщин», выпил малость, хорошо поел. Головная боль отступила. Недаром говорят – коньяк расширяет сосуды. Взялся разглядывать журналы, показалось, что о чем-то вспомнил, но дремота взяла верх, и он заснул.

Сон

Звучала песня «Утро красит нежным светом...» Москва. Он должен остановиться с женой у дальних родственников, с которыми никогда не встречались и не были знакомы. Приехали по записке Нины, жены двоюродного брата отца. 1956 год. Погода ясная, солнца много, вышли из вагона на перрон и растерялись. Столько народа они не видели. Сновали, кричали, бежали, ругались, чего только ни услышишь. Все это было в диковинку, потому как у них в городке все степенно, медленно, простучит трамвай, и опять тихо. Да и на трамваях-то мало ездили, все ждали автобуса. Автобус ходил через «Прудские» на «Старый базар», а трамвай также через «Прудские», мимо церкви с большим голубым куполом на кладбище. Так что большинство горожан автобусом к базару, а старушки с батожками пешочком по пескам к церкви. Немногие пользовались трамваем, но когда Пасха или другой святой праздник, вот тогда трамваи переполнены, ну, а в родительский день – и говорить нечего. А сколько было жуликов, карманников (их называли щипачами), игроков в карты. Все собиравшись, где людно. В карты играли в основном инвалиды без обеих ног на тележках, колеса которых были из шарикоподшипников, а подыгрывавшие им – на костылях. Много было из тех, которые просто не хотели работать, жили по по-

словице «не украдешь – не проживешь». У картежников была присказка: «Подходи! Смелее! Обратите внимание! Как вот эту карту приподняли, так денег взяли. Эта проиграла, эта не угадала. С маленькими и беременными не играю». И обращался к кому-нибудь, стоящему рядом:

– Где туз, ну, смелее, – если наступала пауза и никто не вступал в игру, обращался к своему. – Где туз?

Свой человек показывал правильно. И завлекаловка начиналась.

– Сколько ставишь?

Тот раскошелывался и ставил «красенькую» тридцатирублевку (это были хорошие деньги), прижав карту либо ногой, либо рукой, а банкующий пытался подсунуть под руку другую карту. Так начинался ажиотаж, и когда банкующий доставал аналогичную купюру, играющий поднимал туза, овладевая тридцатирублевкой, и довольный выигрышем уходил, но ненадолго. Через несколько минут он появлялся с другой стороны и начинал подзадоривать простачка, ввязавшегося в игру. Да, все рассчитано на простачков. Очень много попадалось на эту удочку наивных людей, проигрывающих крупные суммы. Плакали, умоляли вернуть деньги, серьги, кольца, угрожали, но все было бесполезно, их оттесняли напарники, выигрыши незаметно передавались своему, и тот тихонько исчезал. Жалко было людей, но ничего не поделаешь. Милиции, как правило, поблизости не было.

Подбежал грузчик с тележкой:

– Вам помочь?

– Нет, нет, спасибо. Мы сами, – сказала Мария.

– Как хотите, – и он с тележкой уже бежал к следующим пассажирам.

Взяв чемоданы, вышли на привокзальную площадь, и пока искали остановку автобуса, многие таксисты предлагали свои услуги. У одного он спросил:

– Сколько?

– Ну, это смотря куда.

Достав из бумажника записку, назвал адрес.

– Трояк будет.

– Нет, нет! Мы автобусом.

– Хозяин – барин.

– По-моему, этот номер? В Сибири такие дома называли «Фубрами» – Фонд улучшения быта рабочих. Вот так по первым буквам и называли. Да... Москва – столица мать. Адрес-то этот! Дом в два этажа. Поднялись по высокому деревянному крыльцу и нажали на звонок. Дверь открыла совсем юная девушка с накрученными бигудями.

– Здесь Буравцовы живут?

– Здесь. Мама, это к тебе. Вышла женщина небольшого роста, приятно одетая

– О, здравствуйте, здравствуйте! Мне Нина звонила. Будем знакомы, Рая.

Мы представились:

– Костя, Мария.

– Очень приятно. Проходите.

Мы пошли в комнату. Я такого не видел. Один хрусталь. Вазы, вазы, разных конфигураций, разных форм и размеров. Можно сказать, хрустальная мечта... Видя наше удивление, она сказала:

– Это моя слабость, люблю хрусталь.

– Так он же дорогой, – вырвалось у Марии.

– Да, недешевый, так, слава Богу, и зарабатываем неплохо.

– Конечно, конечно, извините, – начала оправдываться Мария.

– Поставьте вот здесь чемоданы, раз-давайте. Алевтина, убери свои шмотки, чтобы я их больше у прохода не видела, – крикнула она дочери.

– А куда мне их девать?

– В свою комнату!

– В свою комнату, в свою комнату... У меня и так повернуться негде.

Вышла уже совсем другая девушка, с хорошей прической, приятно и неброско одетая. Забрала принадлежащие ей, как сказала Рая, шмотки и унесла в свою комнату.

– Чемоданы поставьте вот сюда и раз-давайте.

– Спасибо.

Помог жене раздеться, собственно, мы были в куртках, поставил чемоданы, куда попросила хозяйка. Она за этот короткий промежуток успела принести два стула, поставила под вешалку и предложила нам сесть.

– Садитесь. Садитесь. В ногах правды нет. Вы надолго?.. На день? На два?

– А вам разве Нина не писала?

– Нет, нет, написала, а я ей сразу ответила, что у нас тесновато. Наверное, письмо не дошло. Почта-то у нас ужасно работает. Хотела позвонить, да вспомнила: у нее и телефона-то нет. Сейчас придет Митя, будем обедать. Алька, ты куда, а обед?

– Обедайте, я буду к ужину.

– Смотри, долго не шлындай.

– Митя будет минут через десять, а я пока стол накрою.

Она пошла накрывать, а Мария попросила меня открыть сумку.

– Тут мы подарок привезли со своих, так сказать, огородов. Вот яблочки, хоть мелковатые, да наши – сибирские. Виктория, а это соленья: огурцы, помидоры, да вот сын засунул, подсолнух. Икоркой нас побаловали, так мы подумали, хороший гостинец вам будет.

Рая, унося все, что достала жена, приговаривала:

– Могли бы не беспокоиться, у нас тут всего навалом. Дверь распахнулась, и вошел мужчина в милицмейской форме.

– А вот и Митя. Митя – это гости из Барнаула, помнишь, Нина писала.

– А... помню, помню. Вы – Костя, а Вы – Мария. – Я правильно говорю?

– Правильно.

– Ну, вот и ладненько. А я, как уже вам поведала Рая, Дмитрий. Сержант ГАИ. Прошу к столу. Что у нас сегодня на обед?

– Рассольник, гуляш с фри, – объявила Рая.

– С кем, с кем? – засмеялся Дмитрий.

– Да ладно тебе. Не обращайтесь внимания – это он шутит.

– Шутю, шутю... Дак ты, Костя, кем работаешь?

– Машинистом. Вожу поезда.

– А... Над этим я не властен. Вот, скажем, ехал бы ты на машине, вот тут я бы тебя, как говорит великий юморист Райкин, и прищучил, штрафанул бы.

– Если бы было за что.

– А ни за что, просто так. А если бы было за что, тут и разговоров бы не было. У нас в ГАИ главное – поиск. Найти, за что штрафануть.

– Ну, хватит тебе, во разболтался.

– Ты, Рай, належ-ка гостям, чё мы под сухую-то. Пусть выпьют, расслабятся. Это мне еще на службу, а им-то можно, сам Бог велел.

– Ой, я что-то и ни к чему. Вы что будете? Вино, водку, а может, бражки налить? У нас ведь вся Москва бражку ставит, а из нее, как дойдет, самогон гонит. Наша-то еще не достоялась до самогону. Молодая, сладкая еще.

– Спасибо, я бы водочки граммов сто пятьдесят, – сказал Костя.

Мария наступила ему на ногу.

– Ну, можно двести, – поправился я...

Тут она прыснула, оценив юмор.

Рая открыла бар, и я обомлел. Такого количества водки я не видел. Весь верх и низ, две полки, были плотно набиты спиртным. И вот тут до меня дошло, откуда весь этот хрусталь и все остальное. Тут же вспомнился анекдот, да нет, кем-то рассказанная быль.

«Один служащий, с низкой зарплатой, пригласил в гости перспективного, всеми уважаемого, честного сослуживца. Хотел с ним завести дружбу. А жена у него работала гинекологом. Пришли на квартиру, хозяин и говорит:

– Ну-с, давай раздевайся. Сейчас посидим, дернем по рюмашке.

Гость разделся.

– Проходи в комнаты.

Тот прошел, и у него перехватило дыхание. На всех стенах по ковру и по периметру всей квартиры ковры, стеллажи с

книгами, в каждой комнате по цветному телевизору, немислимая стиральная машина в прихожей. Оглядел он все и медленнo так сказал:

– Да... Кругом аборт, аборт...

Оделся и вышел. Дружбы не получилась».

В то время аборт были запрещены.

– Митя, вечером-то во сколько придете?

– Как смену сдам, так и приеду. А чё?

– Да ни чё. Ты бы Марию с Костей хоть по Москве провез на своём газике. Показал бы им памятник Железного Феликса, на ВДНХ бы свозил, а то они завтра в гостиницу надумали.

– Как в гостиницу? – не понял Митя.

– Как, как... У нас места-то мало, вот они и решили...

– Никаких гостиниц. Места хватит. Ну, Костя, еще рюмашечку – и поехали, я успею вам кое-что показать.

– Нет, Дмитрий, ты давай служи, а мы тут окрест побродим, а там видно будет.

– Ну, смотрите, вам решать. Небось устали? Рая, я уехал. – Дмитрий вышел.

– Вы уж извините, что я так сказала, подумала – вы в гостиницу пойдете.

Ей совсем не хотелось, чтобы мы остались.

– Не переживай, Рая. Все образуется. Мы пока переодеваться не будем, выйдем, подышим воздухом. Может, купим чего к ужину.

– Ни в коем случае. Нет, нет, не вздумайте. Иначе я обижусь. У вас, поди, и так денег мало, а то... Вдруг у нас не проживется, и надумаете в гостиницу. Нет. Москва деньги любит, а вам жить бы до отъезда хватило. Да, я не спросила или не расслышала, вы насколько?

– Думаю, недельку-другую проживем, а там видно будет.

– Обратнo-то самолетом?

– Нет, нет. Мы же железнодорожники. У нас бесплатный проезд туда и обратнo.

Мы вышли, прошли метров сто, на душе паскудно, а погода отменная, послеобеденная прохлада.

– Здесь народу-то поменьше, – сказала Мария. – Это окраина, что ли?

– Да, а откуда знаю. Может, и окраина. Хотя в Москве, говорят, окраины не бывает.

– А как же в песне «От Москвы до самых до окраин»?..

– Так это же предполагается весь Союз – окраина, а Москва в данном случае – это пуп Земли. Во, смотри, школа. Пойдем, подойдем к бабушке.

– Зачем?

– Пойдем, пойдем. Надо. – Мы подошли. – Здравствуйте, бабушка.

– Ну, здравствуй, внучек.

– Мы вот тут, как бы это сказать-то?
– Да говори прямо.
– Приехали из Сибири.
– С Алтайского края, – добавила Мария.
– Хотели остановиться у родственников, а они отказали.
– Да что это за родственники такие?
– Так уж получилось.
– У них дочка вот-вот родит, – соврала Мария.
– А... да. Я вижу, вы в школе как бы присматриваете за порядком. До занятий еще далеко, 26 дней, может, и присоветовали бы нам что-нибудь.
– А что я могу посоветовать. Живите. Рубль за сутки, с двух человек – два. Это ведь школа-интернат, там кровати и чистое белье. Если устроит, живите. А вы сколько жить-то думаете? У нас директор-то беспокойная, приходит за неделю до занятий.
– Мы недельки на две.
– Ну и хорошо. Значит, за 14 дней – 30 рублей.
– Вот спасибо.
– Нет, вы сперва посмотрите, а вдруг не понравится.
– Что вы! Всё. Договорились. Мы сейчас будем. Это рядом. Вы не уходите?
– Куда же я уйду, мне теперь и вас охранять надо будет.
– Ну, спасибо, вот повезло, так повезло. Мы сейчас.
Почти бегом мы вернулись.
– Быстро вы нагулялись, – удивилась Рая.
– Ты, Рая, извини, но мы случайно сняли квартиру.
Рая не сразу врубилась.
– Как сняли, когда же вы успели?
– Да сейчас. Шли, сидит бабуся, мы к ней, так мол и так, перекантоваться бы нам недельки две, а она такая разговорчивая и понятливая оказалась. Говорит: – Кантуйтеся, сколько влезет. Рубль с носа и комната ваша, 30 копеек за кухню и 30 за белье, как в поезде, и живите, сколько вашей душе угодно.
У Раи аж глаза округлились.
– Вот мы и пришли забрать чемоданы, чтобы уж устроиться по-человечески, да отдохнуть.
Рая сделала вид, что огорчена известием о нашем уходе, расстроена таким поворотом дела, что скажет Митя, почему я не остановила, не удержала... И в таком духе, в таком духе...
– Не убивайтесь так, Рая. Давайте ваш телефон, и мы обязательно позвоним Мите и скажем, что нам так удобней. Завтра же понедельник, у всех работа, чтобы не было никаких треволнений, лучше жить на квартире, а встречаться на нейтраль-

ной полосе. Как-нибудь соберемся и посидим в кафе. Согласитесь, в гости ходить лучше, чем мозолить глаза целый день.

Мария уже с порога сказала:

– До свидания, Рая.

– А телефон!

Я достал записную книжку и записал номер.

– До свидания.

Бабушка сидела на том же месте, в той же позе.

– Ну, что, не передумали? А я вот сижу и кумекаю – не продешевила ли я?

Москвичи. Пока мы ходили, она кумекала.

– И что же вы накумекали?

– А ничего. Все остается в силе.

– А вам как платить? Сразу или за каждый день.

– Нет, ребята. Вот будете уезжать – и заплатите. Только сильно деньги-то не транжирьте, чтобы потом не высылать переводом. Пойдемте, покажу хозяйство.

Мы вошли в школу.

– Вот это классы, а вот спальня.

Спальня оказалась помещением больше класса раза в два.

– Выбирайте, где удобней. У каждой кровати тумбочка. Вон там на столике журналы, можете почитать. Старые, но интересные. Иди-ка сюда. Да, меня тетя Шура зовут, а вас?

– Она моя жена, Мария, а...

Мария перебила:

– А он мой муж, Костя.

– Вот и познакомились. Иди-ка сюда, Мария. Вот здесь кухня. Все печки выключены, кроме одной. Можешь готовить, но будь предельно внимательна и осторожна. Учти, учреждение детское, им еще учиться надо. Поняла?

– Поняла, тетя Шура.

– Все. Пойду еще посижу. Подышу. У нас тут машин мало.

Тетя Шура вышла.

– Тебе везет на хороших людей, – сказала Мария.

– Скажешь тоже. Дело случая, если бы я не обратил внимания на школу, ничего бы не было.

– Да, да... Поговори, поговори... Ты прежде всего обратил внимание на симпатичную тетю Шуру, и как выяснилось, она оказалась хорошим человеком. Давай ляжем ближе к столику с журналами, там настольная лампа.

– Хо-ро-шо! Мы гулять пойдем?

– Костя, я бы с удовольствием, но что-то не очень хочется, устала.

– Ладно, милая. Ты ложись, отдыхай, а я прошвырнусь по Москве. Обещаю дальше трех кварталов не отходить.

– И ты пойдешь без меня?

– Ни в коем случае. Ну-ка одевайся, и быстро.

– Нет, нет, Костя. Я пошутила. Иди, но прошу тебя, через два часа будь дома. Хорошо?

– Кончено, буду. Ведь я же совсем не знаю, где мы.

– Вот потому-то и прошу тебя, будь осторожен и внимателен, не потеряйся. Да, деньги оставь, возьми минимум.

– Всё, пока.

Выйдя из школы, я подсел к тете Шуре.

– Тетя Шура, куда можно сходить, просто посмотреть и подышать воздухом. Только чтоб недалеко.

– Сходи на «Выставку достижений народного хозяйства» – это рядом. Садись на любой транспорт, и через две остановки – выставка. Деньги-то взял, там соблазнов много.

– Взял. Вам что-нибудь принести?

– А чего ж, принеси молочного поросенка, мы его сделаем по всем правилам и со всеми специями. Чтобы шкурка поджаренная была, похрустывала, и запах яблок распространялся бы на всю нашу округу. Ой, разговорилась. Ничего не надо. Семечек принеси. Кулечек.

И я пошел. На остановке еще раз уточнил – все ли идут до «Выставки» – и вскочил в проходящий троллейбус. Ехать не так уж и близко. У москвичей все приблизительно. Вместо двух остановок – четыре. Я отвлекся и не заметил подошедшую кондукторшу, рассматривая в окне троллейбуса пробегающие дома, ну, понятно, периферия.

Вдруг услышал:

– Вы рассчитываться думаете?

– Простите, конечно. Засмотрелся. Подскажите, где остановка Сельхозвыставка.

– Покажу. Садитесь.

И вдруг услышал песню. Кто-то тихо, как бы стесняясь, войдя в заднюю дверь, запел: «Скажите, девушки, подружке вашей...»

Я сразу узнал этот голос. Этот тембр я бы не спутал ни с каким другим. Я не поверил, но вдруг почувствовал и понял: поет Саблин Алеша... И конечно, совсем не надеясь, что такое может случиться. Я сидел не шелохнувшись, боялся спугнуть пришедшее издалека. Перед моим лицом показалась кепка. Я пошарил в карманах, нашел мелочь и положил в кепку.

Поднял голову и узнал – это был Алексей. Пел он так же вдохновенно, как в деревне в обеденный перерыв с немцами. Я вспомнил то злополучное время, когда фашисты вышибли нас, и мы вынуждены были отступить. Господи, хоть бы это не забыть, значит, так надо было свыше, значит, эта встреча была кем-то заплани-

рована. Наша рота, насколько это возможно, задачу, хоть и продержались меньше, выполнила. Мы встретились глазами, и я шепотом произнес:

– Алексей...

Он, как мне показалось, сделал нелогично длинную паузу, и, уходя, продолжил песню. Кондуктор объявила остановку и, повернувшись ко мне, сказала:

– Выставка.

Я вышел вместе с Алексеем. Он достал из кепки деньги, подошел к киоску «Мороженое» и протянул продавщице. Она отсчитала положенное и подала кружочек с хрустящими вафельками по бокам. Он сел на скамейку перед входом. Я подошел к мороженице и спросил:

– Вы извините меня. Я первый раз в Москве, Вы, может быть, знаете этого человека, который только что взял у вас мороженое.

– Конечно, знаю. А что?

– Нет, нет. Ничего. Мне показалось, мы с ним были на войне в одной роте. Я даже убежден, что это он. Вы можете мне о нем что-нибудь рассказать?

– К сожалению, ничего. Знаю только, что он очень хорошо поет одну и ту же песню «Скажите, девушки...» Раньше он здесь часто пел у входа на выставку, и ему подавали много. На выставку много иностранцев приходит. У него даже инвалита была, подавали франки, лиры, но в основном рубли. А потом из-за них же, иностранцев, и запретили здесь петь. Вот, собственно, и все. Сейчас он появляется изредка, приходит сюда, вероятно, по привычке, покупает мороженое, съедает вот на этой самой скамейке и уходит. Зрители от исполнения в восторге, но теперь он не поет, запретили из-за иностранцев.

– Дайте мне два мороженых.

Продавец отпустила меня, и я подсел к Алексею. Он как раз доедал свою порцию. Достал платок, отер губы, посмотрел на меня, и я протянул ему мороженое. Он улыбнулся и взял.

– Алексей, посмотри на меня.

Он посмотрел.

– Ты меня помнишь?

Он смотрел отсутствующим взглядом.

– Вспомни, Алексей, ребят вспомни – Агафонова, Селиванова, вспомни, как удерживали деревню, вспомни Перетягина...

Он смотрел на меня, но в глазах отсутствовала мысль, я видел, что он не понимает меня. Мороженица смотрела на нас, на встречу двух фронтовых друзей и понимала драму Алексея, а мне было обидно до слез. Он доел мороженое и собрался уходить, а я вдруг неожиданно для себя сказал:

– Саблин, спой.

Он вздрогнул, и я понял, что так его никто не называл. Снял кепку, протянул ее ко мне и зашел: «Скажите, девушки...», стали сходить люди, милиционер двинулся в нашу сторону, но его остановила продавец мороженого и горячо зашептала, кто я такой и почему подошел к Алексею. Милиционер кивнул и остановился возле киоска. Не пошел дальше. Голос его звучал почти так же нежно и чисто, как в годы войны, а может, даже лучше.

Я плакал, не стыдился слез. По окончании песни вынул все деньги, взятые с собой, и положил Алексею в кепку. Он поклонился, и я увидел на его лысой голове много глубоких шрамов. Это были шрамы тех далеких военных лет, полученные в деревне, которую, к большому сожалению, пришлось оставить. Окружающие бросали ему в кепку деньги, а он кланялся, кланялся, и в этот момент у него на лице светилась блуждающая улыбка радости. Ему было хорошо. Хорошо от песни, оттого, что у него есть такая возможность петь. Он чувствовал, что со звучанием его голоса, люди становились другими, давали деньги и улыбались. Он уходил. Я подошел к милиционеру.

– Извините, что я попросил его спеть. Это мой друг, ранение получил в голову на фронте. Мы его в 42-м оставили в госпитале, и с тех пор я его не видел.

– Извините и вы, – обратился я к продавщице, – Вы мне не одолжите денег до завтра, а то я ему все отдал.

– Да, какой разговор. Сколько надо? Достала из халата деньги.

– Нет, нет. Только на общественный транспорт.

– Господи, да о чем речь. Возьмите.

Я поблагодарил ее.

– И вы, сержант, не запрещайте ему петь. Он герой, понимаете.

Я повернулся и быстро пошел.

– Я поговорю с ребятами, – крикнул он мне вслед.

Возвращаясь в школу, вспомнил Алексея, его лицо, реакцию на песню и понял, ему единственное нравилось – петь, но почему он ничего не помнит, а песню помнит. Может, рефлекс. Я так был погружен в свои мысли, что чуть не попал под трамвай. Над самым ухом услышал звонок и отскочил в сторону. Видно было, как водитель говорил в мой адрес что-то с очень неласковым выражением лица.

Проснувшись, как бы в продолжение сна, он услышал звонок. Открыл глаза и в полном недоумении стал соображать, откуда здесь может быть звонок. Ну, вот и звонки начались, скоро и до зрительных галлюцинаций дело дойдет. Нет, нет. Звонок был, он был во сне. Сон тоже был и

был настолько реален, что даже не казался ему сном. Что-то происходило с ним наяву, но что! Ну, напрягись, вспомни. Ответа, как всегда, нет. Осторожно поднялся, подошел к двери и только тогда понял, что звонок исходит не с наружи, а из пиджака, найденного в мусорке, нового импортного пиджака, на котором не было всего одной пуговицы на рукаве. Он даже испугался, когда нашел его. Подумал, что кто-то забыл и сейчас вернется за ним. Отошел уже на приличное расстояние, решил вернуться и положить пиджак на то же место, но разумное начало взяло верх, и он вновь оказался в будке обходчика. Да какого обходчика, его уже давно нет и не будет. Теперь он является обходчиком несуществующего железнодорожного тупикового полотна.

Пиджак он повесил, носить не мог, вдруг встретится хозяин и узнает.

Прошло уже много времени, и вот он услышал звонок, звонок сотового телефона, который доносился, как мы уже знаем, из пиджака. Но как же так. Ведь он проверил карманы, было пусто – это и подтвердило, вернее, натолкнуло его на мысль, раз пиджак пустой, значит, выброшенный. А сейчас, оцупав пиджак, нашел сотовый в карманчике для расчески. Достал, нажал на зеленую кнопку и услышал:

– Добрый день! Только, пожалуйста, не отключайтесь.

– Я вас слушаю.

– Спасибо...

У звонившего голос оказался мягкий, баритональный с приятным тембром. Говоривший был несколько взволнован и от неожиданности тоже не мог сообщить, как повести разговор и с чего начать.

– Вы меня извините, я только недавно понял, что мобильник в пиджаке. Обыскал всю квартиру, все перерыл и только потом понял, он в пиджаке. Я вас очень прошу вернуть его мне, так как это очень, очень дорогой для меня подарок. Я обязательно вас отблагодарю, только, пожалуйста, верните. Понимаете, домработница с ненужными вещами выбросила пиджак, в котором и лежал сотовый.

– Да, да... Именно он там и лежал в маленьком кармашке. Это вы меня извините, но я даже не предполагал такого, чтобы в выброшенном пиджаке лежал телефон. Но я понял после, что пиджак выброшен случайно, и если бы знал, что там телефон, конечно, не взял бы его. Вы мне верите?

– Конечно, верю. Что вы. Это даже хорошо, что его взяли вы. Я этому очень рад, поскольку чувствую вашу порядочность. Скажите, вы им не пользовались? Я имею

ввиду телефон. Кстати, давайте знакомиться. Меня зовут Леонид Николаевич. Я, как сейчас принято говорить, – «деловой человек». Занимаюсь бизнесом. А вас как зовут?

– Меня... Собственно это неважно, а сотовый я вам верну. Видите ли, у меня возникли кой-какие сложности...

– В каком смысле?

– Нет, вы не думайте, что у меня нет имени. Просто произошло событие, которое перечеркнуло всю мою жизнь, прошлую.

– Я вам сочувствую. Очень. Но хотел бы знать, вы можете со мной встретиться? Понимаете, я еще раз хочу обратить ваше внимание на то, что телефон мне дорог и ценен не как аппарат. Он мне дорог его содержанием. Я совсем не могу, да и не хочу нагружать вас своими проблемами, но, если вы при встрече сможете его вернуть, благодарность моя будет адекватна моему интересу.

– Что вы. Я его обязательно верну, и даже не думайте ни о какой благодарности. Скажите, где мы встретимся, и я отдам вам и пиджак, и сотовый.

– Забудьте о пиджаке, меня интересует только сотовый, а пиджак носите на здоровье. Кроме всего, я человек обеспеченный и для меня любая честность не с чем не соизмерима. Конечно, я могу при встрече пожать вам руку, сказать спасибо, но так не должно быть, да что рассуждать о вещах бесспорных. Когда вы появитесь и где?

– В двенадцать часов у ящиков. Можно, я приду в вашем пиджаке, я несколько пообносился.

– Я же сказал, пиджак меня не интересует. Значит завтра в 12.00. Да! А как я вас узнаю?

– Ну, я не думаю, что у мусорных ящиков будет много народа, а, кроме всего, я же буду в вашем пиджаке.

– А-а... Да. Жду. До завтра.

На следующий день он пришел чуть раньше, но Леонид Николаевич уже ждал и, сразу узнав, бросился к нему.

– Я жду вас. Здравствуйте! Это я, хозяин сотового.

Он волновался.

– Вы его принесли? Скажите, скажите, пожалуйста, принесли?

– Да, да. Не волнуйтесь. Вот он.

Леонид Николаевич выхватил сотовый. И, отойдя в сторону, спросил:

– Вы в нем ничего не нажимали?

– Нет, нет, что вы. Да, я собственно, и не знаю, как им пользоваться.

Леонид Николаевич, отойдя, стал колдовать с телефоном, а он смотрел и радовался, что хоть чем-то смог помочь че-

ловеку, и тихонько пошел. Как вдруг услышал.

– Подождите. Куда же вы?

Леонид Николаевич подошел.

– Спасибо, дорогой мой человек. Все нормально. Спасибо. Давайте знакомиться. Не стесняйтесь. Меня вы знаете, я уже представился. Как вас величать?

Он смутился, не зная, что сказать, и назвал себя именем, первым, которое пришло ему в голову:

– Алексей.

– Алексей, я еще раз вам премного благодарен. Вы мой спаситель, и как я обещал, вот моя благодарность.

Он достал из кармана ветровки бумажный конверт и засунул в карман новоявленного Алексея. Тот хотел отказаться, но Леонид и слышать ничего не хотел.

– Вы даже не представляете, Алексей, что для меня сделали. Это малая толика того, чем я могу отблагодарить вас, так что и не отказывайтесь, и если вам от меня будет что-нибудь нужно, ну, скажем, какая-нибудь помощь, не стесняйтесь, звоните, я с удовольствием выполню ваше желание.

Из-за дома показалась роскошная иномарка, и Леонид еще раз пожал руку.

– До свидания.

Машина ушла, а Алексей стоял все еще в растерянности, и не мог вообразить, откуда и по чьему велению пришла такая благодать и душевная, и материальная, вернее понимал – от домработницы, которая впопыхах выкинула пиджак с сотовым, но что это будет так... Он смотрел в сторону ушедшей машины и понимал, что последние слова, по поводу помощи, сказаны просто так, ради уважения, чтобы закончить вежливо разговор.

– Звоните, – ведь знает, что у меня нет телефона, да и куда звонить?

Он было направился к ящикам, как вдруг из-за угла показалась иномарка Леонида. Подъехав к Алексею, дверь распахнулась и Леонид, извиняющимся голосом, проговорил:

– Алексей, извините, ради Бога, но я только сейчас, сидя в машине, подумал, что у вас ведь ничего нет. Ни телефона, ни... Вот, возьмите визитку и очень прошу, купите мобильный телефон. Денег хватит. Потратьте пару тысяч и мы будем всегда на связи. Еще раз до свидания. Не теряйтесь. Машина со скрежетом развернулась и уехала откуда пришла.

– Пару тысяч! Да сколько же он мне дал в знак благодарности? Надо бы взглянуть, но как и где это сделать. Правду говорят, «у страха глаза велики». Кругом почти никого, но боязнь, а вдруг. Да что это я, в конце концов, никто же не знает, что у меня есть конверт с деньгами.

Он еще раз оглянулся и пошел к скамейке, с которой только что поднялась и ушла пожилая пара. Какое-то чувство тревоги не покидало его, он понимал, что такое состояние называется предчувствием и раз тревоги – значит, дурным предчувствием, но в то же время, если рассудить здраво, то откуда быть дурному. Просто эта тревога привнесла к внутреннему состоянию эту неожиданную, волнительную, внутреннюю дрожь. Он достал конверт, еще оглянулся, распечатал его и увидел довольно внушительную пачку светло-зеленых купюр достоинством в 1000 руб. Досчитав до 15 тысяч, он откинулся на спинку скамейки, чтобы перевести дух, как вдруг услышал:

– Отец, может помочь чем?

Открыв глаза, увидел молодых людей, проходящих мимо. Видно подумали, что ему плохо.

– Нет, нет, спасибо.

– Да, пожалуйста, – сказали ребята и ушли.

Он насчитал 27 тысяч и опять забеспокоился. Ему показалось это ошибкой, Леонид отдал чужие деньги. Приготовил кому-то, но перепутал и вместо одного конверта, отдал другой.

– Фу, ты, Господи! Что же делать? Посидеть, подождать. Может, вернется? Спокойно, спокойно, – сказал он себе. – Как я все усложняю. Да, не может быть такого, что, идя на встречу со мной, он думал о ком-то еще. Раз передал мне конверт, неужели же он мог ошибиться и отдать мне принадлежащее другому. Все! Ухожу, но, прежде всего, в кафе. Хоть поесть, как следует нормальному человеку, к тому же от этого посещения что-нибудь и вспомню, по какой-то причине забытое. Беспамятство сродни слепоте, никогда раньше не задумывался над этим. Слепой, потерявший зрение, хотя бы мысленно может вернуться в прошлое (если слепота не от рождения), а здесь даже сон не может вернуть того, что было. Ведь просыпаюсь, чувствую, что был где-то, но где, никакой зацепки. Хоть бы один узелок памяти развязался, ничего. Ощущение, полное ощущение недавнего присутствия прошлого, а какого – неизвестно. Вроде оно на острие памяти, стоит только остановить хоть один кадр, и все всплывет, все будет, как в кино, кадр пойдет за кадром, жизнь вернется до настоящего – это просто необходимо, потому что без прошлого нет будущего.

От чего-то должен быть отсчет, пусть он будет от середины жизни, но именно жизни, поскольку это и есть то необходимое, без чего человеку невозможно жить.

Вошел в кафе системы самообслуживания, типа «Вилка-Ложка», устал под-

нос всем, на что падал глаз: салат, солянка, печень с фри, сметана, черный кофе и много хлеба. Расплатившись, приступил к трапезе, с жадностью поглощая одно блюдо за другим. Голод давал о себе знать, но его утоление оказалось чреватым для желудка. Начались рези, и он спешно вышел на воздух. Очень неблагоприятно было в животе, присел на скамью и все не мог найти положения, когда бы утихла боль. А мимо проходили люди, и никто не спрашивал: «Вам плохо?» А ему было очень плохо. Поднявшись с трудом, он пошел на зеленый крест. Войдя в аптеку, обратился к миловидной девушке:

– Скажите пожалуйста, вы не могли бы мне дать что-нибудь от рези в животе?

Девушка оказалась очень любезной, по всей вероятности, профессия фармацевта обязывала к этому.

– А простите, появившиеся рези с чем-то связаны?

– Не знаю, но... я долгое время питался всухомятку и вдруг, неожиданно для себя, поел горячего (первое и второе), было очень вкусно, но после этого сразу же начались ужасные колики.

– Вы знаете, тут ничего особенного – это пройдет, но для этого, вот возьмите.

– Спасибо. Сколько я должен?

– А у вас диареи нет?

– А что это?

– Извините, это понос.

– Да вроде нет.

– Тогда с вас 78 рублей. Это обезболит и успокоит желудок.

– Спасибо. А как принимать?

– Вы когда поели?

– Только-только, пятнадцать минут назад.

– Ну, вот. Сейчас и примите. Это лекарство как раз и принимается после еды.

– Спасибо, милая. Дайте мне еще бутылку минеральной воды.

Получив сдачу, он через арку вошел во двор, сел на скамейку, о край спинки открыл бутылку и опустил две таблетки в трюм живота, запив водой. Прислушался к внутреннему состоянию организма, почувствовал облегчение, а буквально через пять минут он мысленно благодарил девушку, которая так ласково обслужила его в аптеке. Возможно, подействовали ее уверенность и внушение, которые перешли в его подсознание, и он так легко вышел из этой неприятной ситуации.

Неподалеку, на детской площадке, играли дети. Строили песчаные замки, качались на качелях, а мамы и бабушки следили за своими чадами, чтобы те не свалились на землю и не раскrojили себе носы. Детские игры, детские забавы, все-

гда, чаще всего безобидны, а, если что и случилось, то ограничивалось набитой шишкой и горьким плачем, который тут же отлекался очередной забавой.

С какой же качели упал он, и когда это случилось? Какой период жизни оказался для него роковым, где тот пик качелей, та высота и то падение, которое так жестоко, не по-детски, обратило его жизнь в неопределенность, в сплошное непонимание и незнание своего собственного я? Он ежедневно обращается в пустоту, в пустоту своего мышления, только сиюминутность иногда радует, все остальное вводит в депрессию. Даже не радуют те деньги, которые подарил ему Леонид, да подарил, а как еще это можно объяснить, поскольку благодарность за что-то – это тоже своего рода подарок, подарок за определенные услуги, а его услуга была оценена в 27 тысяч рублей. Вспомнил слова Леонида: «Прошу, купите мобильный телефон». Ну, что ж, пожалуй, надо зайти в магазин, посмотреть и подобрать что-нибудь подходящее, наиболее простое для связи.

– Я вам предлагаю вот эту модель Nokia, тут, конечно, функций много, но очень прост в обращении. Думаю, это вам подойдет.

– Да, чем проще, тем лучше. Для меня важен только разговор, все остальное совершенно не обязательно.

– Но так рассуждать тоже не совсем правильно, иногда вдруг захочется послушать музыку или сыграть в какую-нибудь игру. Такое ведь тоже может случиться.

– Нет, нет... Сколько с меня?

– Эта модель дешевая. Одна тысяча пятисот рублей. Давайте паспорт.

– Вы знаете, у меня с собой ничего нет.

– Тогда, может быть, вы помните данные?

– Простите, но и данных паспорта я не помню. Спасибо. Извините.

И он направился к выходу. Не известно почему, но девушка вдруг окликнула его.

– Подождите. Оплачивайте тысячу пятисот, а я заполню за вас данные. Напишите вот тут фамилию, имя и отчество. Вы местный?

– Теперь да.

Он взял абонементный листок мобильной связи и написал первое, что пришло ему в голову, – Малых Алексей Дмитриевич. Выполнив условия покупки, девушка объяснила наипростейшие комбинации.

– Зеленая трубка для соединения с абонентом, красная – отбой. Номер вашего телефона под этим штрихом. Не потеряйте.

– Спасибо.

Взяв руководство пользователя, гаран-

тийный талон, он вышел на улицу. Погода солнечная, домой, в будку идти не хотелось и он, купив в книжном киоске несколько газет, журнал, решил посидеть в парке, послушать природу. На сдачу девушка предложила ему лотерейный билет.

– А какой выигрыш? – спросил Алексей.

– От стоимости билета до трехсот тысяч рублей. По крайней мере, так говорят.

– Так что, никто не выигрывал?

– Триста тысяч нет, а сто выигрывали.

– Тысяч?

– Нет. Рублей.

– Да уж. Крупный выигрыш. Нет, спасибо. Подожду.

Красив парк в предосеннюю погоду, когда тихо и когда солнце все еще способно отогреть природу, тело и душу. Оттого, наверное, приятно и покойно на душе, вокруг тишина, только щебетанье птиц и воркованье голубей. Он вспомнил, что, выбегая из столовой, сунул для птиц кусок хлеба. Раскрошив в ладонях, стал небольшими щепотками бросать птицам. Тут же соорганизовалась группа голубей. Менее шумным доставалось меньше, но когда появились воробьи, то голубям уже ничего не оставалось. Эти прожорливые, наглые птицы все уносили прямо из-под клювов. Воробьи настолько нахально подбирали хлеб, что ему стало жалко голубей, и он решил подманить их поближе. Стал бросать крошки себе под ноги, настолько близко, что при желании можно было поймать. Вот тут-то и остались рядом с человеком только голуби – птицы, издревле доставалась меньше, но зря же люди строили голубятни, любовались полетом этих птиц, среди которых были почтовые, шейбойные, перевертыши. Хозяин голубятни, а их в советское время было множество, кормил своих любимцев прямо с руки. Затевались споры на приличные суммы по тому времени на дальность полета. Голубя отвозили за сотни километров, и он через определенное время прилетал, вероятно и у голубей есть чувство долга, они, наверное, своими голубиными мозгами знали, что их ждут. А хозяин действительно ждал. Даже ночью, услышав оживление на голубятне, воркование, поднимался, чтобы посмотреть, не прилетел ли его любимец. И, видя голубя на месте, впускал его к остальным и засыпал спокойно. Полистав прессу и разморившись на солнце, Алексей задремал. Птицы, солнце, навеяли дрему, он закрыл глаза и отключился.

Сон

Исковерканная взрывами земля: под-

битые танки, трупы, воронки. В небольшом углублении лежит солдат, вокруг бой, рвутся снаряды. Это он – Константин. Ранен в руку, рукав весь в крови, без каски, автомат валяется в стороне шагах в трех, боль пронизывает все тело, пошевелиться невозможно. Он не может понять, куда ранен. Тяжесть в голове, веки застилает пыль, тяжело, даже глаз не хочется открывать. Каким-то шестым чувством определил, рядом кто-то есть, он открыл глаза и увидел стоявшего над ним немца с перекинутым через шею автоматом. Краем глаза, боковым зрением, увидел свой автомат, хотел броситься за ним, но понял, что не успеет, не успеет даже пошевелиться, как фашист убьет его. Он закрыл глаза и приготовился к смерти, ожидая автоматную очередь, но услышал, нет не услышал, а почувствовал, как немец опустился перед ним на колени. Он тоже был ранен, и ему также было не известно, что делать дальше. Подполз к Константину, что-то говорил на своем языке, делая руками какие-то движения, затем снял автомат, отложил в сторону, тем самым показал, что не собирается делать ничего плохого. Ранение у него было в ногу, Константин это понял сразу, когда тот стоял над ним на прямой правой ноге, а левая была чуть согнута в колени. Немец прикладывал руку к груди и говорил:

– Курт, Курт.

– Понял, – произнес Константин. – Константин.

– Sehr gut.

И Константин понял, что они с немцем на равных.

Положение обязывает к мирному сосуществованию. Курт осмотрел рану Константина, достал нож и на месте ранения разрезал рукав. Рана была сквозная между локтем и плечом, но ближе к плечу по мышце, вырвало клоч мякоти, крови было потеряно много. Немец ощупал вокруг рану, все время что-то говорил и вдруг надавил. Константин стиснул зубы, замятерился, но немец, как бы извиняясь, заговорил:

– Gut, gut...

– Какой gut, – громко сказал Константин, – больно.

Курт достал небольшой брезентовый пакет на липучках, где лежали йод, бинты, жгут и другие принадлежности. Показал Константину не кричать, приложив палец ко рту, на вату налил йод и несколько раз коснулся раны, Константин заскрежетал зубами. Когда боль утихла, немец выдавил из тюбика какую-то мазь и, смазав руку, забинтовал. Затем так же аккуратно сложил все в пакет и пристегнул его к ремню.

– Во, дают. Все-то у них есть.

Он посмотрел на раненую ногу Курта и увидел сбоку разрезанной штанины бинт. Курт, поймав его взгляд, показал руками, что все в порядке, перевязал.

– Ну, что, – сказал Константин. – Geen.

Курт кивнул. Константин показал в немецкую сторону.

– Nein, nein, – замахал руками немец.

– Wir geen, – и показал на Константина, к вам, мол.

– К нам? – показал на себя Константин.

– Ja, ja, – подтвердил немец.

Был конец 1943 года. Константин поднялся, взял на плечо оба автомата, поднял немца, положил его руку себе на плечо, и они заковыляли в сторону наших войск.

И опять просыпание, и опять белый лист.

– Да когда же ты проснешься хоть с каким-то шлейфом, – сказал он себе. – Ведь это же неправильно, так не должно быть, каждый человек должен знать собственное я. Я, есть – Человек. У меня должно быть все: собственное имя, осознанное, а не пришедшее на ум впопыхах от неизвестности или безысходности. Откуда-то оно возникло. Без сомнения, из снов. Я же чувствую, меня во снах что-то тревожит. Хорошо бы что-нибудь вспомнить, хоть какую-то маленькую толику.

И такие размышления у него были после каждого пробуждения. Вдруг ему пришла мысль зайти на почту и купить карту России, лучше, конечно, Советского Союза, но сейчас ее трудно отыскать. Может, пройдясь по городам, всплывет что-то узнаваемое. Эта мысль ему показала очень даже любопытной в смысле того, что он убежден, где-то должна находиться та брешь, которая поможет ему осознать, точнее, приблизить его немислимое состояние бессознательного прошлого к сегодняшнему дню. Может быть, при изучении карты, произойдет связь времен. Ведь иногда, хоть и редко, но сердце-то вдруг защемит, затоскует почему-то, по чему-то, по всей вероятности, дорогому и близкому, которое где-то, где-то далеко. Не зря же говорят «сердце не обманешь», значит, есть что-то такое, о чем сердце помнит, о чем тоскует, ну, не может же оно просто так из-за ничего страдать. Оно может страдать за меня самого, за мою безысходность либо за людей, потерявших меня, а может, это импульс тоски тех людей, которые прорываются ко мне через расстояния и время, заставляя его терзаться. Все люди сердечны связаны. Связаны любовью и ненавистью, грустью и радостью, благостью и жестокостью, верностью и предатель-

ством, добром и злобой, и все это равнозначно только в отдельности, потому что двойных чувств сразу не бывает, бывает, что они перерастают, как бы переосмысливая свое понимание, из одного качества в другое. Поэтому, вероятно, и появилось такое понятие «от любви до ненависти один шаг».

Поздоровавшись на почте с миловидной девушкой, спросил:

– У вас в продаже есть карты России?

Посмотрев на него отсутствующим взглядом, она вдруг резко ответила:

– Не отвлекайте от работы, мы не справочное бюро.

– Да, но я спросил – есть ли у вас в продаже карты России. Ведь я, если не ошибаюсь, пришел в почтовое отделение России, поскольку считал и считаю, что только здесь (и нигде иначе) я могу ее приобрести.

– Вы ошиблись. Все карты, вплоть до игральных, продаются в книжных магазинах и киосках, – и взяв ворох бумаг, она скрылась за дверью.

– Спасибо, – сказал он сам себе и вышел.

Вот ведь как бывает, совсем недавно он восторгался любезностью одной девушки в аптеке и вот – разительная противоположность.

Подойдя к киоску «Союзпечати», спросил по поводу географической карты России.

– Да, у нас бывают такие карты, но на сегодняшний день есть только карта края, а карту России вы можете приобрести в любом книжном магазине. Там поступлений больше.

– Скажите, пожалуйста, сейчас еще остались в продаже карты Советского Союза?

– Вот это навряд ли, но, возможно, у букинистов где-то и остались.

– А не подскажите, где найти поблизости книжный магазин?

– Пройдите сейчас два квартала по этой стороне, затем сверните направо и, если я не ошибаюсь, третий дом недавно открывшегося «Книжного базара». Там есть школьный отдел. Кстати, я видела там глобусы, значит, есть и карты. Вот лотерея «Зодиак», максимальный выигрыш 500 тысяч рублей, может, купите?

– Нет. Вы знаете, мне уже предлагали сегодня, я отказался.

– Ну и правильно.

– Вот-те раз. Вы же только что предлагали.

– Так нам от продажи процент идет, а если честно, – это лохотрон. Для наивных дурачков. Вы уж извините, вместо того, чтобы вызвать у вас интерес, я вот так разоткровенничалась.

– Нет, возможно, и выигрывают, но это редкие счастливики, которые у моего киоска не появлялись.

– Когда появляется таблица?

– Вот тут на билете сказано.

– Да, а срок действия по получению денег определен?

– Вот написано – в течение двух месяцев, если выигрыш крупный.

– Большое спасибо. Вы очень любезны, а посему я возьму у вас несколько билетов.

– Сколько?

– Я полагаю, что самое счастливое число – это, конечно же, семь.

– Ой, большое вам спасибо. С вас 140 рублей.

– И вам спасибо.

Спрятав билеты в карман пиджака, он отправился в «Книжный базар». Надо же, две женщины почти одного возраста, но совершенно по-разному относящиеся к своей работе. В магазине купил карту края, поскольку по формату они были одинаковые, а по числу населенных пунктов: городов, деревень, конечно, карта края более насыщенная. И он решил, что правильнее сначала ознакомиться с ней. Прикупив в продмаге воды без газа пять литров, кефира, сыра, чая, сахара и пачку пельменей, он направился в ставшую уже своим домом будку. Хороши пельмени под кефир. Запил чаем, полистал журналы и углубился в изучение карты. Ничего нового в названиях. Ни города, ни реки не вызвали у него никаких ассоциаций. Откинул карту и взял журнал 49 года, на обложке которого красовался И. В. Сталин, красивый грузин, вероятно, сфотографированный еще до войны...

Сон

Портрет поплыл, растворился, и слышался приятный голос со знакомым акцентом. Обращение к народу было настолько проникновенным, что все кругом плакали, плакали молодые, старики, глядя на взрослых, плакали и дети. Плакали все, а из репродуктора неслись слова призыва к сплочению, к единению в борьбе против фашистских захватчиков. Страх жуткого события, вторжения Германии на земли Советского Союза, охватил всех советских людей. Равнодушных не было, но чувство патриотизма вытеснило чувство страха, и потому в военкоматах творилось что-то невероятное, невероятное в том, что приходили записываться добровольцами на фронт от десятилетнего возраста до глубоких стариков. Один дед размахивал палкой, доказывал, что он еще может принести пользу Родине.

– Дед, да куда же ты такой? Ты ведь без палки и ходить-то не можешь.

– А зачем мне ходить, – возмущался дед. Я и стоя могу вот этой палкой бить фашистов. Силов-то у меня еще ого-го, не меряно.

– Ладно, дедушка. Мы подумаем, а пока отойди, будем оформлять молодых.

– Сколько тебе? – спросил оформляющий у подростка.

– Семнадцать с половиной.

– Вот когда будет восемнадцать, приходи.

Паренек подумал, что ему поверили, и стал доказывать, что вот-вот, через два месяца ему исполняется восемнадцать. А было ему ну от силы одиннадцать-тринадцать лет.

Константин отвел паренька в сторону.

– Ты вот что? Тебя как зовут?

– Коля.

– Коля, вас в семье-то много?

– Мамка и еще две сестры. Отец помер два года как.

– Ну, и что же ты думаешь? Кто их здесь будет охранять? Сестры-то большие?

– Одной четыре, а Зинке девять, она на три года младше меня.

– Ты же говорил, тебе семнадцать с половиной.

– Так мне же воевать надо.

– Слушай, Коля. Ты пока иди домой, успокой своих женщин, а воевать ты еще успеешь, какие твои годы. Им сейчас ты нужен больше, чем на войне. Ведь ты же хотел идти на войну, чтобы их защищать.

– Их и Родину.

– Николай, поверь, Родину мы защитим. А ты постарайся защитить их вот тут. Хорошо? Ты же уже взрослый человек, поверь, так надо, а когда появятся необходимость в твоей помощи, там на фронте, к тебе обязательно обратятся. Ведь ближе матери и сестер у тебя на сегодняшний день никого нет. Оберегай их здесь, они очень нуждаются в твоей помощи. Хорошо?

– Ладно.

– Нет, Коля, ты понял?

– Понял, – вздохнул Коля.

– Вот и ладненько. Дай пять. Извини, Николай, подошла моя очередь, – и Константин подошел к столу.

– Ваши документы?

– Вот, пожалуйста.

Оформляющий записал данные.

– Где работаете?

– Машинист паровоза.

– Вы знаете, вам положена отсрочка?

– Да, знаю я, знаю. У меня остается машинист, – он крикнул Марию. – Маша, скажи. Вы понимаете, что я сейчас там нужнее. Мария!

– Извините, товарищ, – робко начала Мария.

– Лейтенант.

– Лейтенант. Вы думаете мне охота, чтобы он уезжал от нас. Конечно, нет. Но вы-то должны понять, война! Я здесь управлюсь и за него, и за себя. Мы вместе закончили двухгодичное училище. Отпустите его на войну, а мы уж тут помолимся за его жизнь. Ну, пожалуйста, лейтенант. Она так проникновенно говорила, что лейтенант сдался.

– Ну, хорошо.

– Спасибо, – сказал Константин.

– Ой, – только и крикнула Мария, обняв мужа.

Песни, строй солдат идет к вокзалу. Теплушки уже ждут защитников. Мария семенит за Костей.

– Береги себя, не лезь на рожон, где ни попадя. Свой пыл-то усмирять по отношению к командирам, а то я тебя знаю. Фрицев бей, да своих не забивай, оберегай, особенно молодых. Тебе-то уж за двадцать, а то ведь сейчас на фронт-то, ты же сам видел, и ребяташки бегут, годки прибавляют, сопляки, и айда. Ох, и страшно, поди, там. – Заплакала.

– Ладно, ладно, Маша. Не надо. Это ненадолго. Ты же сама говоришь, что поднимаются все, от мала до велика, значит, победе – быть. И думаю, скоро.

– Отряд, стройся, – прозвучала несколько раз команда сопровождающих командиров.

Отрядов набралось много, и у каждого свой начальник.

– Попрощайтесь, – сказал лейтенант провожающим, – и через десять минут по вагонам.

Паровоз пыхтел, машинист грустно смотрел из кабины, и ему, вероятно, очень хотелось быть среди воинов. Да, воинов, потому что одеты они уже были по форме, все новенькое, ну прямо как на парад, но до парада дорога была длиною в четыре года. Под стук колес он проснулся, какое-то мгновение ощущение поезда еще было, но это только мгновение. Может, звук мобильного наваял какое-то непонятное отсутствие чего-то совсем недавно происходящего. Алексей взял трубку, нажал на зеленый соединитель.

– Да, я слушаю.

– Извините, вы мне звонили?

– Это Леонид Николаевич?

– Да, да.

– Я вам звонил. Извините. Это Алексей. Два раза звонил, но мне кто-то отвечал, что вы недоступны. Я и не решился набрать в третий раз.

– Алексей! Добрый день. Купили мобильник – это здорово! Меня просто не было в городе. Сигнал не проходил, а в определителе вы есть. Так что звоните в любое время. Как ваши дела?

– Так же. Живу.

– А чего вы звонили? Что-нибудь нужно?

– Нет, нет. Что вы. Просто хотел еще раз поблагодарить за все. Спасибо. Вот купил мобильный телефон, только звонить некуда. Обидно.

– Звоните мне в любое время, кроме ночи. Я буду рад вас слышать. Ну, теперь ваш номер у меня в определителе, так что нет, нет, и я вам позвоню. Если вы не против?

– Да, что вы. Вот вы-то и можете мне звонить в любое время, от зари до зари. Я сплю мало, сны у меня короткие, чувствую, с какими-то сюжетами, а вспомнить ничего не могу.

– Давайте, Алексей, определимся так! Я сейчас закончу кое-какие дела и мы займемся на днях вашим здоровьем. Хорошо? Чего молчите? Договорились?

– Да, да. Конечно. Буду рад с вами встретиться.

– Вот и ладно. До свидания.

– До свидания.

Он вспомнил, что надо нажать на отключение, то есть на красную трубку.

– Как хорошо слышно. Это где же он был, что я не мог его достать, сигнал, говорит, не проходил. А чего? Может, он где-нибудь под землей работает. Мало ли...

Вот с таким хорошим настроением он полистал еще несколько журналов, познакомился с тем, что происходило не с ним, но где-то в глубине души все-таки надеялся, что придет минута, когда читаемое соприкоснется с ранее пережитым, и он вдруг почувствует, что его жизнь – не потемки, а зеркальное отражение, которое можно увидеть мысленно, шаг за шагом восстановить и так же мысленно приблизить, рассмотреть и переговорить со всеми дорогами тебе людьми.

Хоть бы кого-нибудь вспомнить, и ниточка родственных отношений потянет воспоминания, узелки памяти один за другим развяжутся, и он войдет в мир, который по какой-то причине, отгородился от него и не допускает до истины, которая на сегодняшний день является одной из самых важных звеньев в его жизни, если ее (эту жизнь) можно так назвать.

– Что бы я делал сейчас, если бы не Леонид, – подумал Алексей. – Страшно вообразить. Где бы я был, что делал? Вошел бы в компанию бомжей, выискивая пропитание из ящиков. Надо проверить билеты этой сомнительной лотереи, а то забудешь и пропадет выигрыш. Он усмехнулся. Как она сказала: «...а вот сто тысяч, триста тысяч рублей, пятьсот затерялись...» Ну что ж, попробуем попасть на след и попасть в счастливики.

Таблица куплена, он порывался в карманах пиджака, достал билеты и положил

их перед собой. Что-то, возможно детское, проявилось в его подсознании, азарт что ли. Появилась заинтересованность к игре, или так на человека действуют разрисованные государственные бумажки, предполагающие изначальный обман многих желающих выиграть, сорвать куш в тысячных исчислениях. Впрочем, любая игра вызывает азарт: и спортивная, и настольная – лото, карты. Лю-ба-я. Вызывающая хоть какую-то надежду быть победителем. Изучив таблицу и проверив четыре билета, убедился: «чудес не бывает». Только на пятом билете выигрыш выпал на 20 рублей.

– Ну, вот, отыграл седьмую часть и, как ни странно, получил от этого удовлетворение. По крайней мере, ощутил, что не все билеты безвыигрышные, а есть и по себестоимости.

Шестой мимо, по нулям, а седьмой... вот тут-то и произошло самое интересное, о чем он не предполагал, не мог даже представить себе случившегося. С последним билетом он увидел сумму, от которой все цифры в его глазах закружились в хороводе. Он увидел цифру 3 и много нулей. Закрыв глаза, потер виски, жар ударил в голову, и долго не решался посмотреть, реально ли это или воспаленный на выигрыш мозг вызвал мираж.

– Спокойно, Алексей, спокойно, – сказал он себе и, накрыв ладонью билет, открыл глаза.

Посидел немного. Сердце билось учащенно, иногда так бывает, в определенных ситуациях, когда сердце чувствуешь всеми клетками своего организма. Он убрал руку и, сверившись с таблицей, увидел тройку с прилегающими к ней пятью нулями, а это значит – выигрыш 300000 рублей. Фантастика. Нет, мысль такая была по поводу трехсот, но все же реально он располагал на 30 тысяч, он думал, что его воспаленный такой суммой мозг мог выдать неверную информацию, а глаз это принял как нечто фактическое.

Раскошегарив буржуйку, заварил чай и долго думал, что делать? Ни паспорта, ни места жительства, без рода и племени, человек ниоткуда, пришелец из несуществующих миров. Ничего не лезло в голову, только одна мысль, сказанная девушкой, продавцом из киоска, что он получит деньги после заполнения паспортных данных. Вот и все. Он заходил между печью и кроватью.

– Ваша сумма, дорогой мой, сгорела. Нет, такого не может быть, ведь я же предъявитель билета, покупал-то его я, почему же я не могу получить деньги. Абсурд. Продавать билеты тогда тоже нужно при предъявлении паспорта, заполнить данные на покупку, и никаких морок. Да что же это такое?

И вдруг...

– Фу, ты, Господи! Да ведь деньги-то может получить и кто-нибудь другой.

Облегченно выдохнув, он сел на кровать. Получить деньги может Леонид. Конечно. У него-то уж все в порядке с документами. Кроме всего, где мне хранить такую сумму, сейчас время-то жесткое, убивают ни за что, ни про что. Интересно, откуда же я помню выражения разные, пословицы, поговорки некоторые, что это – врожденное или приобретенное за сознательную жизнь? Сейчас позвонить или позже. Время еще есть, но и тянуть тоже не следует. Все-таки я, наверное, был учителем, поскольку во мне больше терпения, нежели агрессии. А!.. Да разве теперь разберешь. Алексей достал телефон. Нашел номер Леонида, нажал вызов. Долго звучал зуммер, он хотел уже отключиться, вдруг услышал:

– Алексей, я вам через несколько минут перезвоню. Извините.

Минут через десять раздался звонок.

– Добрый день, Алексей, – Леонид. Случилось что?

– Да, нет Леонид Николаевич, все в порядке, не считая одной проблемы.

– Какой?

– Я в лотерею выиграл триста тысяч.

– Ну, и хорошо, проблема-то в чем?

– Для вас это, конечно, не проблема, но у меня никаких документов-то нет, а деньги без паспортных данных не выдают. Вот я и обращаюсь к вам, может, можете получить?

– Алексей, Вы это серьезно?

– Что серьезно?

– Выигрыш триста тысяч. Это не шутка. Я-то подумал, человек решил меня разыграть, мало ли...

– Леонид Николаевич, я не шучу. Для кого-то это не проблема, а может, даже и приятная проблема, но для меня... Даже Ваши тысячи я не беру с собой и храню их не в тумбочке, а под тумбочкой, а уж такие деньги прям и не знаю, где уберечь.

– Вот что, Алексей, я все понял и жду вас на том же месте, возле ящиков, или скажите, где вас подобрать.

– Да, чего там... Через час я буду на месте.

Леонид ждал его, где договорились.

– Привет, Алексей.

– Здравствуйте.

– Ну, что я могу сказать. Во-первых, поздравляю с выигрышем, а во-вторых, мы откроем счет на предъявителя, то есть на вас, Алексей и все дела.

– Нет, нет, Леонид Николаевич, я совсем не хочу жить под придуманной фамилией, с липовым паспортом. Я понимаю, сейчас все можно купить, но я хочу

добраться до корней и вспомнить, в конце концов, своих родных и близких.

– Вот это я и хотел услышать. Пойдемте, Алексей, слушай, а не перейти ли нам на ты?

– Я согласен.

– Пойдем, Алексей, ко мне и там решаем, что делать и что реально можно предпринять. Я не буду настаивать ни на чем, обойдусь без советов, только после твоего решения могу предложить несколько вариантов, которые, возможно, тебя устроят. Пойдем, познакомимся с моей семьей, с моим жилищем.

Поднялись на четвертый этаж, квартира Леонида отгорожена капитальной стеной (кирпичной) с хорошей дверью. А за перегородкой оказалось две квартиры, и обе принадлежали Леониду.

– Познакомься – Ольга.

– Здравствуйте.

– Здравствуйте, – ответила Ольга, протянула руку.

– А это моя прелесть, доченька Таня.

– Здравствуйте, принцесса, – сказал Алексей и в свою очередь протянул руку.

Таня засмузилась и спряталась за маму.

– А это наша уважаемая няня Полина, благодаря которой мой пиджак оказался у вас.

– Да, ладно, вам, Леонид Николаевич, это же случайно.

– Все, все. Больше ни слова.

– Проходи, Алексей. Оля, сделай, пожалуйста, чай и поставь чего-нибудь горячительного.

– А мы знали, что вы подниметесь и стол накрыли, – сказала няня Поля. – Просим.

Алексей не видел ничего подобного. Квартира из пяти комнат с огромным коридором, шикарной мебелью. Чистоты необыкновенной, страшно ступать.

– Вот тапочки.

Кухня по размерам больше его будки. На столе фрукты, овощи, салаты и, как он потом узнал, крылышки индейки под соусом и с какой-то экзотической приправой, чуть горьковато-сладкой. Сочетание удивительное, одним словом, вкуснятина. Обратил внимание на коньяк – импортный.

– Садись, Алексей, и по маленькой. Не против?

– Нет, собственно. Он налил коньяк в огромные фужеры, но очень по немногу, чуть прикрыл доньшки.

– Ну-с, Алексей, с выигрышем. Да, Оля, Алексей в лотерею выиграл триста тысяч рублей.

– Я слышала, – это же хорошо. Вы тут разговаривайте, а я пойду поставлю Танюше мультики.

– Да, я прошу тебя, не ставь ничего импортного, никаких роботов, у нас же масса русских сказок.

– Хорошо, – Ольга ушла.

– Что делать будем? Во-первых, давай еще раз проверим билет, сверим выигрыш. Где билет и таблица?

– Вот, – Алексей достал билеты и вместе с газетой передал Леониду.

– Так, так, так! Леонид осмотрел билет. Лотерея «Зодиак», Общероссийское общественное конструктивно-экологическое движение России «Кедр».

– Ну, что ж. Посмотрим.

– Там пять мимо, один по себестоимости.

– Понятно. – Развернул таблицу, пробежал глазами по номерам, сверяя с билетами. – Верно. Два выиграли. Алексей, тебе несказанно повезло. На сегодняшний день это такая редкость. За последние пять, шесть лет, я считал, что любая потеря или какое-нибудь государственное дело, сопрягаемое с деньгами, – это та же пирамида, нет пирамида – это сложно – это для одноклеточных – похотрон. Но тут я ошибся. Это же не государственное дело, это же не государственное предприятие с ограниченной ответственностью. Они иногда, играют по закону. Что будем делать?

– Я не знаю, Леня. Ну, действительно, не знаю и все. Я тебе говорил, где живу?

– Нет.

– Так вот, Леня, я живу в заброшенной будке путевого обходчика, которая стоит на шлагбауме замороженной железной дороги. И кроме всего, я действительно человек без имени, я не Алексей, я черт знает кто, я ничего не помню, я даже не помню, когда это со мной произошло. Это, Леня, для меня так же неожиданно, как твой пиджак, как то, что ты дал мне 27 тысяч, как эта потеря, но я бы отдал все, чтобы узнать о себе хотя бы самое элементарное, но мне кажется – задача неразрешимая.

– Погоди, погоди, Алексей. Ведь ты же сам мне сказал, что зовут тебя Алексей.

– Я не знаю, почему я так сказал. Это первое, что пришло мне в голову. Будка эта не закрывается. Да ее и закрывать-то бессмысленно. Деньги, которые ты мне дал, я прячу под тумбочкой. Там осталось чуть больше двадцати тысяч. Это жуть, Леонид. Не знаю, что тебе еще сказать. Оставь билет у себя, получи эти дурацкие деньги, а я пойду. Мне уже давно все не в радость. Дело к зиме, куплю себе что-нибудь, да заделаю щели, может, дров заготовлю, там буржуйка, как-нибудь перезимую. Кончатся твои деньги, обращаюсь, думаю, не откажешь, но бомжевать я не буду. Обещаю тебе, сдохну с голоду, а не буду.

– Все сказал? Посиди.

Леонид вышел, но тут же вернулся.

– Поешь, а я пока решу кое-какие дела.

Алексей вдруг понял, что действительно хочет есть. Он положил себе индейки, плеснул в фужер коньяка, с удовольствием выпил и приступил к трапезе. Минут через десять пришел Леонид.

– Вот, что Алексей. Я посоветовался с Ольгой насчет тебя, и мы обоюдно решили, что ты остаешься у нас и будешь жить и лечиться до тех пор, пока не вспомнишь все, а когда вспомнишь, будешь решать сам, что делать.

Алексей смотрел на Леонида и не верил своим ушам, не верил, что есть такие люди среди зажиточных. Это казалось сказкой. Хотя, что же за 300 тысяч можно и потесниться несколько месяцев. И вдруг ему стало стыдно за подобные мысли. – Идиот, какой же я идиот. Леонид не тот человек. Какая я сволочь, – казнил он себя. – Да, будь он жлобом, он забрал бы свой мобильник и поминай, как звали.

– Ну, что молчишь? – спросил Леонид.

– Леня, даже не знаю, что и сказать. Мне не верится, что со мной происходит такое. Я согласен, но... чтобы не стеснять вас, имею в виду семейство, определи мне где-нибудь угол, чтобы я мог отдохнуть.

– Пошли, – сказал Леонид. Он вывел Алексея в коридор, на ходу прихватив ключи, и открыл дверь квартиры рядом со своей.

– Проходи. – Квартира была такой же, в какой жил Леонид со своей семьей, только однокомнатная квадратов в 50. – Живи. Она просто стоит пустая, вложил деньги в недвижимость (так это теперь называется), а чуть позже съездим за твоим скарбом.

– Леня, за каким скарбом? Не надо ездить, ты просто ужаснешься, а за деньгами я и так схожу.

Захлестнула жалость к себе.

– Ну, ладно, ладно, как знаешь. Вот ключи, а я пошел. Можешь принять ванну. Там все есть.

– Леня, – остановил его Алексей. – Леня, спасибо.

Ему было необыкновенно хорошо и хотелось плакать. Потому что хорошо было.

– Все, все, – сказал Леонид и вышел.

– Вот ё-моё, я же в тапочках, опять придется беспокоить.

Осмотрел квартиру. Чистота необыкновенная. Няня Поля следит за порядком, она же, по всей вероятности, еще и домработница на две квартиры.

– Ладно. Я сам буду следить за всем. «Чистота – залог здоровья» и пошел в ванную комнату.

Он не мог представить себе существование подобного. Белоснежный кафель стен, черный пол, стиральная машина компактных размеров, зеркала, множество шампуней и туалетных вод и огромные мягкие махровые полотенца. Звонки в дверь. Алексей открыл. Это Леонид.

– Да, Алексей, я хотел тебе сказать. Ориентируясь по пиджаку, размер у нас один, а посему... В шкафу костюмы, рубашки, ну, короче, все что нужно, а своё... Когда пойдешь за деньгами, выбросишь в мусорку вместе с пиджаком. – и, уходя, добавил: – Не забудь мобильник.

– Леонид, я туфли-то там оставил, в той прихожей.

– У тебя какой размер?

– Сорок первый, наверное.

– Нормально. А у меня сорок второй.

Возьмешь в прихожей в ящике для обуви. Подойдут. Они у меня, видишь, он показал на свои, – узконосые. Всё, я по делам и больше беспокоить не буду.

Вернувшись в ванную комнату, Алексей отдернул занавеску с дельфинами и обомлел, таких ванн он не видел. Заткнул слив и открыл воду. Хотелось вымыться основательно, полежать в горячей воде, отмокнуть. В предчувствии блаженства он начал медленно снимать с себя все, что должно уйти в ящики для мусора.

– Вот дожил. Недавно сам шарил по ящикам, а теперь... Что нужно человеку для счастья?

«Что нужно человеку для счастья?» Вопрос сложный и в то же время простой, на него так сразу не ответишь. Можно сослаться на случай, хотя многие утверждают, случайностей не бывает. Как бы ответил на этот вопрос я. Счастье – это сама жизнь со всеми ее катаклизмами. Интересно, счастливый ли я человек?

Он лежал в ванне, вода ласкала его, обдавала теплотою, ощущение легкости расслабляло, ни о чем не хотелось думать.

– Так счастливый ли я? Наверное, да, но счастливый по-своему. Счастье – оно индивидуально, и понятие его неоднозначно. Для меня сейчас – чистое белье, и прилечь на свежую накрахмаленную простыню, и забыть хотя бы на мгновение, не отвлекаясь ни на что... Счастье – оно может быть сиюминутным, устоявшимся, долгим, гармоничным. Естественно, только гармоничное сочетание может определяться как самое счастливое время. Гармония времени. Вроде бы счастье – нашел в мусорном ящике половину бутылки кефира и краюху хлеба, но это только вроде бы, поскольку через несколько секунд получил удар под дых, и счастье прошло мимо. Счастье не должно переполнять душу – это опасно. Счастье взаимлест – сомнительное блаженство, все должно

быть в меру, иначе очень трудно переживать, когда счастье в одночасье рухнет. И совсем не обязательно само определение счастья. Оно для всех разное. Для кого-то деньги, шмотки, квартиры, особняки с наполненными холодильниками, а для большинства – кусок хлеба, которым он может поделиться со своими близкими. Индивидуальность счастья бесспорна. Каждый счастлив по своим желаниям.

Давно он не испытывал подобного блаженства. Теплая вода убаюкивает, тянет в сон, веки смыкаются...

Сон

Афганистан. Он контуженный, с трудом открывает глаза, над ним женщина-афганка. Его голова у нее на левой руке, правой она утирает тряпицей его лицо. Он приходит в себя ненадолго и опять теряет сознание. Голос:

– Уйди, женщина, брось его. Это враг. Я должен убить его.

– Ахмед, ты погоди. Это раненый человек, а раненый не может быть врагом. Ты посмотри на него, он же не может тебе противостоять. Враг – это тот, кто с оружием в руках, может так же, как и ты, желать смерти. А обесиленный и раненый может только нуждаться в помощи, подумай об этом. Дай, я помогу ему, а когда он полностью поправится я приведу его к тебе, и, если ты узнаешь в нем врага, будешь волен поступить с ним, как с врагом, и то, если он позволит тебе это. Он же будет в полном здравии.

– Ты почему меня уговариваешь, женщина? Разве у тебя не погибли сыновья от его руки?

– Почему ты думаешь, что мои дети погибли от его пули? Если бы я это знала точно, я бы не задумываясь отдала его тебе на растерзание.

– Какая ты жестокая. Я что зверь, зачем я должен терзать человека. Мне достаточно убить его. Уйди.

– Прости, если обидела тебя, Ахмед. Уйди ты. Догоняй своих, а он пусть умрет у меня на руках или выживет. Да простит тебя Аллах за желание убить раненого.

– Вах!.. – только и сказал Ахмед, выстрелив в воздух.

Он вздрогнул и, проснувшись почувствовал в себе какое-то волнение, вода по-прежнему ласкала его тело, не хотелось вынимать его из этого блаженства, но надо было идти в будку.

Алексей оделся, удивился (поглядев в зеркало) своей эlegantности и вышел, прихватив пакет с вещами для мусорного ящика. Он положил в большой еще один

маленький пакет, в котором лежали полбулки хлеба, кусок сыра, колбаса и баночка сметаны.

Возвращался из будки, переполненный одной мыслью, что с помощью Леонида жизнь обретет смысл. Он может всё, у него много людей, которые за деньги смогут вернуть его в то время, которое когда-то так неожиданно лишило его самого ценного – памяти. Деньги у него есть, Леонид сказал, что он может пользоваться ими по своему усмотрению, он обещал. Вот они, в кармане, не считая тех... Дойдя до соединения железнодорожных путей, с которого начался отсчет его проживания в будке, вдруг почувствовал себя плохо. В голове четко прозвучала фраза:

– Ты же его убил.

Он медленно осел на насыпь и повалился на землю, потеряв сознание. Долго лежал без движения в неестественной позе, позе человека, который никогда не смог бы сам так лечь, даже если бы его попросили.

Сон

Вывод войск из Афганистана. Взрыв торжественной музыки. Огромная колонна бронетранспортеров, счастливые лица солдат. Приветственные речи в честь генерала Громова – бати. Все перемежается с отрывочными картинками из военных действий.

Вдруг на его лице появляется улыбка. Он перед телевизором смотрит концерт

из Кремлевского зала, посвященный афганцам. Поют участники боевых действий, ребята, прошедшие Афган. Поют о друзьях, не вернувшихся с войны, поют о Родине, о матерях и любимых, о верности. Зал утопает в овациях. На сцене батя, генерал Громов, который посвятил свое выступление сынам, с которыми делил все невзгоды суровых будней Афгана. Все смешалось после исполнения песни генералом: «Ура!», «Бис», «Браво»...

Машинист проходящего поезда набрал «02» и сообщил, что на пятом километре, у развилки железнодорожных путей, лежит человек, возможно, выпавший из ранее проходящего поезда либо просто идущий в город, которому стало плохо.

Наряд милиции выехал на место происшествия с судмедэкспертом. Осмотрели труп. Заключение доктора:

– Смерть наступила примерно полчасика назад от сердечного приступа. Никаких признаков насилия. В кармане ничего, кроме носового платка.

Взяли на обследование кусочек от засохшего рядом желто-коричневого пятна, похожего на кровь. На теле никаких ссадин, на лице чуть заметная улыбка, счастливая улыбка. Предварительный диагноз – сердечная недостаточность.

Солнце садилось в чистый горизонт, завтра будет погожий день. Скоро наступит ночь, для него она уже стала вечной.

2010 г.
